
Эрик ШМИТКЕ

МЕТОД ЛАПТЕВА

Повесть

Шел я лесом — видел беса.
Бес вареники варил.
Котелок на... нос повесил,
А из... уха дым валил.

Частушка

Жизнь вне искусства — вне жизни.

В. Шкловский. Теория прозы

Что Лэ Юань записал:

«Рассказывают, что, что Цуй Вэнь-цзы учился у Ван Цзы-цяо постижению пути бессмертных. Как-то Ван Цзы-цяо решил испытать его, действительно ли он постиг всю глубину учения, и, превратившись в белую цикаду, взял в лапу чашку с лекарством, что приготовил Цуй Вэнь-цзы. А тот страшно испугался, схватил попавшее под руку копье и принялся колотить странное создание. Чаша с лекарством упала и разбилась, белая цикада исчезла, только на земле осталась пара туфель Ван Цзы-цяо. Цуй Вэнь-цзы испугался, что туфли тоже превратятся во что-нибудь страшное, и накрыл их плетеной бамбуковой корзиной. Разве мог он знать, что пройдет немного времени и из корзины вдруг раздастся крик птицы? Приподнял корзину, и вдруг оттуда выскочила пара больших птиц, расправила крылья и унеслась в небо.

Так все учение Цуй Вэнь-цзы оказалось пустой затеей. Пришлось ему сделать вывеску из красной материи и отправиться по миру: торговать лекарствами».

А у нас

Еще так рассказывают: что в субботу, 24 августа 2019 года, произошло некое проникновение. Кто-то *оттуда* проник *сюда*. Здесь при этом, наверное, можно было бы почувствовать; нечто. Возможно даже: твари наши тутошние и почувствовали нечто. Ибо живы той же жизнью, что и твари иных пространств. Ведь — как известно — все

Эрик Шмитке родился в 1957 году в Сибири, с 1965-го по 1980 год жил в Казахстане, в Целинограде (сейчас Астана), где окончил филфак местного пединститута. С 1980-го по 2015 год — Ленинград—Санкт-Петербург—Сосновый Бор. Сейчас живет в Баварии.

так называемые «миры» живут по одним и тем же законам. Потому что это никакие не иные миры, но иные пространства; а мир — один.

Твари-то, может, и почувствовали, но не осознали: они бессознательные. Ну а люди?.. Наверное, очень уж кратким был миг того проникновения. Раз уж даже самый чувствительный-пречувствительный Прибор не смог его отметить. А без показания Прибора людям, тварям — наоборот — сознательным, что-либо осознать — в наше время-то! — уже и... неловко. Если уж сам Прибор ничего «не почувствовал», то на «что-то почувствовал» (даже если и на самом деле почувствовал что-то) ни один человек внимания уже не обратит. Да и вообще: мы ведь постоянно что-то *чувствуем*. То беспокойство какое-то почувствуем ни с того ни с сего; или, так же ни с того ни с сего, зачешется вдруг в неприличном месте. Внимания не обратишь: так через мгновение ни тебе беспокойства уже нет никакого, и не чешется больше нигде.

В Лидо-ди-Йезоло — а именно там кто-то из *оттуда* проник к нам *сюда* — в тот миг часы показывали половину десятого утра. Наружность сей нелегал имел — женскую. А больше и сказать нечего о нем/ней, потому что наружностью совершенно средне-обыкновенной породы. И в смысле возраста, и в смысле внешности... И в смысле достатка, о чем можно было судить по одежде и набору аксессуаров: неплохие подделки под известные бренды. Тысячи женщин таких наполняют с мая по октябрь разноязычным гомоном дни и ночи этого недорогого, но все же итальянского, да еще и рядом с самой Венецией расположенного курорта.

На следующий день

В воскресенье Виктор Егорович Лаптев проснулся в номере четырехзвездного отеля «Виктория», как обычно, рано. В сезон полевой работы он всегда просыпался так: не вмиг, но буквально — в один миг. То есть открыл глаза, еще под одеялом лежа, мигнул раз, и уже ноги в пол уперты; встал рывком. Душ холодный! Так — обычно — когда у него «полевой сезон».

Только вот что-то очень уж настроение легкое у Лаптева сегодня. Сон хороший, скорее всего, приснился; так он сначала понял. Жаль, что снов своих Виктор Егорович не запоминает, не умеет; такое уж свойство его натуры. Другие люди хоть что-то помнят, бывает, даже целые сны свои запоминают, иначе зачем бы были испокон «Сонники»? Когда это и хорошо даже: снов своих не помнить, но чаще — и жаль.

Как сегодня. Когда — точно ведь! — хорошее что-то Виктору Егоровичу приснилось. Это все: пока фыркал, обтираясь шершавым полотенцем. Подмигнул потом зеркалу — себе. Вышел в гостиную: вся наполнена солнцем и свежестью; перед душем раздвинул гардины, открыл двери балкона. Вышел: пляж еще пуст, и море пусто, до горизонта; небо тоже — ни облачка. Закурил сигарету.

А потом вдруг такое! Когда в последний раз стряхнул пепел через перила балкона и повернулся — позади его, на подоконнике пепельница — чтобы окурок загасить, глазам не поверил. Полная пепельница бычков; с горкой. (А в номере каждый день уборка; и пепельницу на балконе — тоже: четыре звезды!) И выходит, что он как вернулся вечером вчера, так за пару часов целую пачку выкурил что ли? Оп-па... Вот тут и обомлел он: «Да я вообще не помню, что вчера делал, когда вернулся!» Лихорадочно стал вспоминать... «Когда в город поднялся, сигареты купил. Покурил еще под фонарем; помню... А дальше-то ничего не помню!»

Тут бы и испугаться, вообще-то, Лаптеву; мало ли что в его-то возрасте; может, это уже первый звоночек... «деменция». Любил Виктор Егорович это модное в последнее время словечко, слышать спокойно не мог. Смех напал на него невольно: представлял

сразу некую крепко постбальзаковского возраста пошарпанную даму в дырявых митенках, которая ему подмигивает недвусмысленно... Так что не испугался он; да еще и настроение такое чудесное. Ну не помнит, так и — хрен с ним! Бодро в номер вернулся.

В гостиной бросил полотенце на пол. В спальне: сначала часы надел на запястье. Трусы где?! Не было трусов в спальне — нигде. В гостиной на диване нашел их. Ну а это еще что?! Вот так вот: слева на диване — его одежда, в чем вчера вечером был. Сложена аккуратно: бейсболка, футболка, джинсы. Трусы сверху.

Это — ладно: мог сложить аккуратно и сам: всякое бывает иногда. А вот!.. А вот справа на диване — поменьше стопочка: сарафан (или как там они сейчас это называют: легкое и полупрозрачное?) цвета здешнего моря, бюстгальтер и трусики — того же колера. Да и такое, по большому счету, тоже — хотя и не помнит Виктор Егорович даже *этого* — случается. И беспамятство свое тут же объяснил бы себе он: опоида да обокрала. Поверил — не поверил бы... и неважно; тревожиться не стал бы. И что гольшом ушла неведомая гостья, тоже чудесного его настроения не расстроило бы. Сейчас-то рано, а ушла баба эта ночью еще, скорее всего; ну, увидел ее портье на ресепшен... по фиг! А вот... на столе увидел Лаптев два колечка золотых с камешками и серьги. Это может стать проблемой: вернется же! Мотать надо отсюда поскорее. Глянул на часы: на работу давно пора.

Лифт Виктор Егорович проигнорировал, по лестнице спустился. Двойной умысел был: во-первых, если портье на ресепшен в другую сторону смотреть будет, можно незаметно из отеля выйти; по фиг-то по фиг, но без этих ухмылочек *понимающих* все же лучше бы обойтись. Во-вторых, пока пускаешься, можно и шутку какую подготовить, если портье все же увидит.

Повезло Лаптеву: на ресепшен за стойкой в этот ранний час вообще никого не оказалось. Свободен путь!

ЧАСТЬ I

Гимн

Воссуществовал я, и воссуществовали существования!
Воссуществовали существования после того, как воссуществовал я.
И вышли существа из желаний сердца моего, силою воли моей
Вышли существования. И дал я им сущие имена их разумением моим.
Положил я основание, и воссуществовали многие
От существ, рожденных от существ, рожденных ими.

Табличка первая: со слов Сапогова, прорицателя; дословно

Она, которая вне времени, безначальная и бесконечная, которая не была и не будет, но есть вечно, что станет матерью всего сущего прежде, чем стать матерью, — такие записи в древних книгах о том; вот какие записи в древних книгах есть о том:

«Она откроет глаза, и не увидят глаза ее ничего, кроме тьмы. И будет пуста тьма та. Откроет глаза Она во тьме, на тьме и под тьмою. И будет Ей пустота повсюду.

Тогда обопрется Она. Обопрется затылком своим раздвоенным, песьим, обопрется выей своей крепкой, как самшит с горы двенадцати попугаев, обопрется спиною своею, обширной и мощной, как потоп. Так обопрется Она на твердь под собою.

Тогда упрется Она. Упрется могучими руками своими, полными жизненной силы, подобной силе ртутного столпа.левой рукою своею упрется она в твердь, что над нею, и правой рукою упрется, в твердь, что над нею; упрется ногами своими, что силой своей не уступят силе ног волшебной птицы, Воробей именуемой в древних сказаньях; птицы, которой не существует.

Так разделит Она единую твердь, что во мраке прежде была, в пустоте. Верхнюю твердь от тверди нижней отделит Она, могучая, силою мышцы своей. И станут тогда тут: над головою небо и земля под ногами. И все еще будут мрак между ними, в котором не различить их: небо и землю. И будет холод меж них, а жизни не будет.

Сотворит Она волей своей поначалу из плоти своей надежную сущность, корову; тварь крепкую сотворит, чтобы небо держала. И не упало бы небо на землю, и не стало, как прежде: только тьма в пустоте. И явит еще Она здесь поначалу свет и тепло. Вырвет правое око коровы она и волей своею светом наполнит его, станет — солнце. И солнце осветит небо, и землю, и все, что меж ними; и наполнит теплом. Вырвет левое око коровы Она и в свет окунет, и станет — луна. И укажет Она им их путь по небесному своду.

Чтобы силы мышцы и твердости духу корове достало, чтобы надежно корова работу свою исполняла, Она так повелит: поначалу корова чтобы луну проглотила, чтоб отдохнула луна, пока солнце небесный свой путь исполняет. Когда солнце исполнит свой путь и вернется к началу, из утробы своей на небо отпустит корова луну, чтобы она исполнила путь свой небесный. В тот же миг: солнце проглотит корова, чтобы в утробе ее отдыхало, пока не закончит луна небесный свой путь и вернется к началу. Время солнца в небесной дороге Она днем назовет. Ночью время луны — именуется.

Когда явится свет, увидит Она, что пуста вся земля и пусто все небо: без жизни, без смысла. Душа заболит Ее болью неисцелимой, болью печали. Ибо без смысла печалится болью великой живая душа. Живая душа жаждет смысла, чтобы долг свой исполнить, чтобы в предназначенье своем осуществиться.

Боль души Ее память разбудит, и вспомнит Пророчество, что знала Она и забыла; вспомнит долг свой тотчас Она. Сердце Ее воспыхает, желая творить! И удалится Она в сокровенное место, в потаенное место. Туда, где песок берега замерзшей воды; песок жизни и смерти. Из песка берега замерзшей воды по желанию сердца своего и силою воли своей осуществит Она все сущности, что жизнью заполняют пространство. Сделает так, что смертные твари творенья Ее — все вместе, согласно — будут единою жизнью бессмертной». Такие есть записи в древних книгах о том; вот какие записи в древних книгах есть о том.

Я, Сапогов, прорицатель. И я прорицаю; верно вам говорю: верьте тем записям! Воочию то увидел я сам, что древние, которых не стало, записали в тех книгах. Так будет и станет здесь — непременно.

Утром накануне. Не совсем понятные телодвижения

На много километров переходящие один в другой бесконечные пляжи Лидо-ди-Йезоло кишат людьми; как говорится — яблоку упасть некуда. Жара с утра; вода в море такая нежная: прохладная — в меру. Броуновское движение тел, в воду с берега и из воды на берег, всех мастей и калибров; в глазах рябит. На мелководье в десятке шагов от берега среди купальщиков, которые с возгласами и с телодвижениями, одинаковыми на любом пляже мира, заходят в глубину моря и выходят из глубины моря, почти неподвижно стоит по грудь в воде известная писательница женских романов Снежана Ардугина. Автор многочисленных бестселлеров, переведенных в двенадцати языков

по всему культурному миру, а некоторые — так и в окрестностях; многие экранизированы, и не только в России. Стоит спиной к пляжу, смотрит в горизонт.

Адриатические волны накатывают плотно, от горизонта разогнавшись, плавной ласковой тяжестью; мягко толкаются. Подается на шаг-другой почти неподвижная фигура, и тут же обратная волна вернет ее на прежнее место. Забавно: обратная волна от берега возвращается через пару секунд, ждать от горизонта следующую нужно гораздо дольше; как будто пропадают некоторые из них по пути.

Давно уже стоит так: в горизонт глядит. Лодки — и парусные, и просто весельные — все больше их буквально с каждой минутой — скользят плавно. По абсциссе, слева направо и справа налево. Головы самых лихих пловцов, напротив, все больше вдаль, по ординате: чуть заметные точки среди бескрайней равнины, уходящей полого, вдаль все выше и выше — в небо. Глядит в горизонт бездумно; видит, но не замечает: цвет моря там... мог бы напомнить нечто, что давно затерялось в глубинах памяти; не вспоминается, да и неважно. Давно так стоит, в волнах колышется.

Ближе к полудню фигура на мелководе разворачивается неспешно к морю задом, к пляжу передом. Мелкими шажками в воде движется к берегу. Выступает сначала из воды мягкая грудь, поросшая густо черным волосом. Затем — животик, нависший над резинкой купальных шорт; и по бокам над резинкой жирные складки нависли. Женская писательница Снежана Ардугина в реальной жизни — это шестидесятилетний Виктор Егорович Лаптев. (В детстве маленький Витя долго вместо «радуга» говорил «ардуга». Еще дольше, класса до третьего говорил вместо «адвокат» — «авдокат». Но то — не пригодилось.)

Что с ним сегодня — сам не знает. Единственное свободное *окно* у него в «полевой сезон» — в субботу, с утра до полудня; все дни остальные работа только. Использует обычно Лаптев это краткое время свободы — по максимуму. Не в отеле с «камертоном» завтракает; сам себе хозяин. Сначала чашечку эспрессо просмакует где-нибудь по пути к Роберто; у Роберто завтракает уже неспешно.

— *Lode a Madonna! Avevo già paura che il sabato non sarebbe arrivato*, — неизменной шуткой встречает его Роберто каждый раз.

Сюда Виктор Егорович ни разу не приводил своих женщин.

После завтрака шел Лаптев на пляж. Конечно, каждый день он на пляже, не только в свободное субботнее утро; но то — по работе. Совсем иначе, когда для себя: бросался с разбегу в море и махал саженками далеко за буйки... Что с ним сегодня; сам не знает: зашел в воду и встал вдруг, где дети плещутся. Так и простоял, бестолково растратил свободное время. Теперь идет работать; злится на себя. И утешается, мол, последняя неделя осталась тут: потом отдохну.

Виктор Егорович возвращается в отель. Поднявшись в свой люкс, на ходу сбрасывает мокрые шорты на пол в прихожей; быстро ополаскивается в душе. Он спешит привычно... поначалу. Но потом, когда быстрыми отработанными движениями вытирается жестким полотенцем, в какой-то миг вдруг руки опускаются сами собой; полотенце соскальзывает на пол. И так стоит он, мокрый и голый, довольно долго; наваждение какое-то. Прямо напротив большого в стене зеркала, а не сразу свое отражение — мокрое и голое — видит. Потом лишь: решительно поднимает полотенце!

Виктор Егорович, конечно, человек строгой обязательности; справляется. Только все же хочется понять ему: почему сегодня не хочется работать? Ладно бы не вышло что или, к примеру, зуб заболел... Да, нет же — все та же рутина, которую делает он не напрягаясь. Неделю еще всего-то...

Пока недоумевает, Лаптев быстро одевается и теперь спешит на работу. Успевает, кто бы сомневался! На часах в холле дешевой гостиницы «Нептун» без четверти две-

надцать. В тесном номере Виктор Егорович забирает накануне уложенный, большой пластиковый чемодан. Оставляет на столе мелочь — чаевые горничным. Рассчитывается на ресепшен. Портье вызывает такси для него.

Лаптев далеко не едет, через пять минут отпускает такси на автовокзале. Выкуривает у стоянки автобусов сигарету. Наблюдает, как у пустого автобуса крупногабаритная брюнетка с усиками над верхней губой, страстно жестикулируя, визгливо ругает на чем свет стоит тщедушного мужичонку. Тот молча курит; потом отбрасывает окурок, что-то говорит негромко. Брюнетка, как будто выключателем щелкнули, замолкает на полуслове. Хватает суетливо свои сумки и, не оглядываясь, быстро семенит к вокзалу; мужичонка поднимается в автобус; водитель, похоже.

И Лаптев отбрасывает окурок, идет за теткой следом. Неспешно делает пару кругов по залу ожидания. Выходит на стоянку такси, берет машину. Едет он в такой же недорогой, как тот, из которого четверть часа тому назад выписался, трехзвездный отель «Президент». Там *заселяется*. Номер — еще более тесный, зато с биде! Развешивает кое-какую одежду по плечикам в шкафу, бросает на кровать раскрытый чемодан и спускается к обеду.

...Все, как должно. Сначала осмотреться, потом к морю. Загорать: такая уж работа у Виктора Егоровича — в поле. Сетка полевых работ годами выработывалась им, отшлифована теперь, как камешки в море. У каждой недели свое задание, свой регламент. И что с того, что начавшаяся неделя последняя в этом полевом сезоне? Что уже не столько для самой работы она, сколько чтобы напоследок «взглядом окинуть». Удовлетвориться: это хорошо. Или поправить что, чего раньше не заметил в работе.

Рабочая неделя для Лаптева начинается и заканчивается в субботу — в день отъезда, он же и день заезда в курортных гостиницах. Выходных в те полтора месяца, пока длится его сезон, Виктор Егорович не имеет, несколько часов в неделю только — для себя. Суббота — важный день, день завершения одного курортного романа, он же и день начала следующего. Так он работает: в поле. Полевая работа для него: основа основ, фундамент и краеугольный при написании каждой книги. Это зовет он, подмигивая зеркалу — себе, *Метод Лаптева*.

А работать все так же не хочется!

Доклад, представленный на соискание

Уважаемый Председатель, уважаемые коллеги!

Позвольте предложить вашему, надеемся, благосклонному вниманию отчет о проделанной нами за истекший период научной работе. Как известно, для объективного исследования ваш, уважаемый Председатель, предшественник предложил тему «Место и научное значение „Книги Перечисления, или Сделай Сам“ в ряду письменных памятников Допотопной Эпохи». Мягко говоря, мы были не очень-то обрадованы таким предложением! Многие из вас, коллеги, присутствовали на том заседании ученого совета и, мы уверены, можете подтвердить, что тема была не столь предложена нам бывшим Председателем, сколько волонтаристски навязана. Заметим в скобках: завидуем тем, кто обратится в ученый совет на предмет соискания в вашу, уважаемый Председатель, законодательную...

Докладчик наливает из графина воду, делает несколько мелких глотков, глаза скромно потупив. Короткая пауза при полной тишине. Ее прерывают аплодисменты откуда-то из глубины зала, громкие в тишине. Через несколько мгновений подхватывают остальные. В президиуме академик Ерболов незаметно подмигивает

Председателю; тот делает вид, что не замечает. Замечает про себя: племянник Ерболова начал...

Но оставим эмоции! Понятные и оправданные, хотим заметить, эмоции... Позвольте продолжить.

Как известно, «Книга Перечисления, или Сделай Сам» — это четвертая книга так называемого Хинаврейского Пятикнижия. Следующая за первыми тремя — «Книгой Без Слов», «Книгой Весов Н. В. Свиста» и «Книгой Музыки, Чисел, Поговорок и Церемоний Дам Полусвета» — и, в свой черед, предшествующая последней, пятой книге Пятикнижия, которая до сих пор не имеет в науке строго закрепленного имени; чаще всего ее называют «Книжечка Надьки-дурочки».

К слову заметить: на наш объективный взгляд, было бы куда более плодотворным исследование даже этой с точки зрения науки спорной «Книжечки», которая представляет собой даже не цельный текст, а более позднюю компиляцию. Причем, компиляцию, на наш взгляд, довольно рискованную. Нужно обладать граничащей с откровенной натяжкой нескритичностью допущения, чтобы на основе весьма субъективно определенной «общности мотивов» решиться на подобную компиляцию.

Знаки на черепках из раскопок, по времени относящихся к Эпохе Синего Императора (причем, заметим, знаки до сих пор научно достоверно не расшифрованные) объединить в единое целое с рисунками на черепашьих панцирях из пещеры Гу-Юй, которые, как известно, относятся к куда более ранней Эпохе Валета! Это, считаем мы, как Объективные Исследователи, больше похоже на авантюру, нежели на научный подход. Да и позднейшие попытки некоторых, так называемых, популяризаторов, не имеющих отношения к серьезной науке, оправдать компиляторов некими, видите ли, «схожими мотивами» в фольклоре разных народов зиждется на весьма и весьма спорных основаниях.

И несмотря на все это, если бы было позволено, наши знания и умения, нашу ангажированность, наше упорство, что вложили мы в работу над навязанной нам волонтеристским образом темой, смогли бы направить мы на объективное исследование «Книжечки Надьки-дурочки», то принесли бы науке куда больше пользы. Но мы уважаем иерархию и дисциплину, без которой, мы уверены, наша Академия не добилась бы своего, по праву заслуженного, высочайшего авторитета. И — не только в научном мире. И постарались честно выполнить порученную нам работу...

За столом президиума Председатель глядит на часы, шепчет на ухо академику Ерболову: «Вот стержень, ловко воду льет!» Ерболов про себя, довольный: «Ловчила, на такой пустой теме, глядишь, тайминг-то вытянет». Председатель снимает часы с запястья, кладет на стол перед собой, точно подслушал мысли Ерболова.

...Итак, что можно определенно и доказательно, с чистой, так сказать, научной совестью, извините за тавтологию, сказать, о четвертой книге Хинаврейского Пятикнижия, так называемой «Книге Перечисления, или Сделай Сам»? Приходится признать: с научной точки зрения — немного.

Докладчик делает паузу; глаза опущены долу, точно задумался. Зал понимает иронию; слышны смехи. Председатель косится на свои часы. Кстати, часы на вид как бы и простые, но академики в президиуме понимают: «Калош!..» Наконец докладчик рывком поднимает голову, точно решил — в омут.

Вот разве что, во-первых, книга эта по своему объему самая большая из всех книг Пятикнижия. Ну и, во-вторых, она и самая бессмысленная из всех. Так что, наверное, все же можно — нет, не оправдать, конечно, но как-то и понять суеверие, которое издавна бытует среди простонародья: мол, если кто прочтет «Книгу сделай Сам» от начала до конца, тот сойдет с ума и потеряет разум.

Мы — прочитали... вот. Все восемь тысяч сто листов. Надеемся, что в кругу академиков можно признаться в этом, без того, чтобы...

Смех в зале. Докладчик вновь медленно пьет из стакана, аккуратно вытирает губы платочком.

Да, ровно восемь тысяч сто листов в «Книге Перечисления, или Сделай Сам». Перечислены в ней и подробно описаны также равным счетом восемь тысяч сто тварей. Причем, нужно заметить, не всегда описание той или иной твари помещено, как можно было бы предположить, на один лист. Некоторые описания занимают до трех листов, другие — пару строчек.

Хотя в науке прочно закрепилось понимание слова «Перечисление» в названии Четвертой Книги как определения метода, а именно — перечисления восьми тысяч ста безымянных тварей, все же нам, Объективным Исследователям, представляется, что такой подход к толкованию термина не только сужает, но и несколько обедняет содержание книги. Помимо статичного описания самих тварей, достаточно много места в Книге занимает и перечисление некоего действия: твари действуют. Каждая из них — совершает действие. Однако поскольку все их действия, в принципе, одинаковы, можно сказать, что в Книге описано одно действие, выраженное повторяющейся устойчивой формулой: «Сотворил для себя самого сам из плоти своей».

Но ведь — восемь тысяч сто раз! Разве нельзя назвать и это также: «перечислением»? Чтобы не нарушать выработанные великими предшественниками, принесшими заслуженную славу нашей Академии, принципы и традиции научной работы с материалом, позволим себе здесь процитировать самое начало «Книги Перечисления, или Сделай Сам»:

Сотворил он из плоти своей сущность другую, ибо так пожелал. И сделал ее, как замыслил. С сердцем своим он разум тут сверил; сердцу разум образ представил, а сердце решало. И стал тот, другой, ростом выше дерева, выше всех деревьев. Голова его была льва, а тело дракона, были ноги его, точно могучие змеи болота; все семь. А на крыльях по семь пальцев со стальными когтями. Так разум представил могучего и устрашающего врагов своих силой ужаса. А сердце украсило красотой приятя: окрасило гриву льва синею краской, огненно-желтым глаза. В золоте тело дракона, и в крыльях все перья, как радуга красками блещут.

А потом сотворил он из плоти своей еще одну сущность, второго другого, ибо так пожелал. С сердцем своим он разум тут сверил; сердцу разум образ представил, а сердце решало. И стал тот второй другой с телом лани наполовину, наполовину кобылы, панцирем черепахи тело покрыто. Голова крокодила, а хвост петуха. Пасть полна клыками, они точно сверла; рога из железа. Так разум представил могучего и устрашающего врагов своих силой ужаса. А сердце украсило красотой...

Просим извинить за столь длинную цитату.

Увы, время в прежние времена было в физическом выражении своем несколько большим, нежели нынешнее, наше с вами время. И чем дальше от нашего времени отстоит в прошлом та или иная эпоха, тем больше времени у нее в запасе. Потому люди

давно ушедших эпох не спешили и могли себе позволить стиль, каким написан процитированный нами выше текст. Авторы тех времен не торопясь складывали слова в предложения архаическим способом *селекции*, подбирая слово за словом да еще и стараясь соблюсти правила так называемой «грамматики». Даже предложения старались они соединить столь затратным методом, как «Метод внятного повествования». Конечно, мы могли бы пересказать этот неудобочитаемый текст словами нашего времени, однако считаем, что не можем поступиться принципами объективности.

В президиуме академик Ерболов подмигивает Председателю; тот, даже не глянув на свои часы, понимающе кивает головой; оба — довольны.

Далее в тех же повторяющихся устойчивых выражениях «первый», что сотворил сначала «другого», а потом «другого второго» — «ибо так пожелал» — сделал еще троих «других», но действовал несколько иначе при этом: «Сделал он сначала головы всем». Первому одну голову, лошадиную; второму две головы — лиса и журавль; третьему — три головы, одинаковые: богомола. Конечно, рога, клыки и всякие устрашающие штуки. На туловищах тоже всякое, что должно ужасать; все три туловища — носорога, жабы и попугая — соединены так: посредине попугай; его левая лапа срослась с правой лапой носорога, а правая с левой лапой жабы. «А сердце украсило красотой...» Скрупулезное описание.

Лишь только сотворены они были, сразу *другой и другой второй* тут же принялись за дело, «*ибо так пожелали*», и, в свой черед, наделали еще разных существ, наделив их «*силою ужаса и красотой приятия*».

Тем и заполнены все страницы «Книги Перечисления, или Сделай Сам»; восемь тысяч сто существ, каждое сделано кем-то и само кого-то сделало: по одному, двойняшками и вплоть до семерняшек (*листы 97, 311 и 2009*). И все они в самых чудовищных сочетаниях лап, хвостов, тел, голов, крыльев — разных животных, птиц и рыб. И наделен каждый «*силою ужаса*», какая только могла представиться дикому представлению. И «*красотой приятия*», как простодушному сердцу мило — поярче.

Мы уже говорили выше, что Четвертая Книга абсолютно бессмысленна. Однако согласитесь, уважаемые коллеги, с другой стороны, из всех книг Хинаврейского Пятикнижия «Книга Перечисления», поскольку самая бессмысленная, то она и — самая толковая. Что логично, и не вызывает удивления. Ибо, согласно истинному закону Ньютонова яблока, «чем бессмысленнее объект, тем более способствует он безопасному профитированию субъективного толкования». Поэтому этот древний манускрипт, как мух, притягивал, притягивает и будет притягивать всех мастей толкователей. Мухам же и на самом деле нет разницы, какая из *двух субстанций* на самом деле возбуждает их мушиный инстинкт.

Одобрительный смех в зале.

Мы подошли к концу нашего доклада. Что могли доложить — доложили. Увы, ничего нового или хотя бы такого, что могло бы пригодиться для науки в дальнейшем, этой работой мы предложить уважаемому собранию не можем. С каким бы пиететом, с каким бы уважением не относились мы к памятнику, хотя бы уже за то, что дошел он в сохранности к нам из глубины веков, объективно — пользы для науки он никакой не представляет. Но ведь и не в самом памятнике суть нашей с вами работы, а в серьезном и ответственном отношении к самой работе нашей.

Уважаемый Председатель, уважаемые коллеги, спасибо за ваше внимание и — особенно — за долготерпение. Мы же со своей стороны с нетерпением станем смиренно

ожидать вашего решения. Надеемся, что наш доклад, несмотря на его бесполезность, соответствует строгим критериям и традициям Академии и сможет убедить высокую Академическую Комиссию в достаточности нашей квалификации для продления лицензии на академический паек.

Откуда-то сбоку раздались одинокие аплодисменты. Никто на этот раз не подержал: ни в зале, ни тем более в президиуме. Только головы повернули, да многие и... взглядами залипли. То юная практикантка из «Общей газеты» оплошала, покраснела, а в коротком сарафанчике — фигуристая. Президиум в полном составе удалился неспешно за кулисы, где уже ожидали их объемистые пакеты, в некоторых даже — незаметные в глубине — пухлые конверты.

Копия, на всякий случай

В мужском туалете областного ПНД. Пациент Ё. рассказывает своему отражению в большом мутном, во многих местах выщербленном зеркале. Говорит громко, стараясь перекрыть звук воды в неисправном сливном бачке.

...А потом этот урод, которого сострыгала та корова из своего мяса, плюнул в ее сторону и убежал. Бегал там взад-вперед. Устал когда, пить захотел. И тут увидел морду свою в отражении в каком-то озере не озере, болоте не болоте, короче — в стоячей воде. Не сразу дошло, что сам себя видит. Когда дошло, завопил:

— Какого, на фиг, хрена я такое вот чмо, что глазу не на что глянуть?!

И решил: мол, все исправлю; покажу — как надо! Переделаю себя, чтобы и вид внушающий, и красота. И давай тут сочинять!

«Не буду, — решил. — Как глупая слепая корова, а такое сотворю счас, чтобы и вид внушающий, и красота. Чтобы у всех сразу хлебальники отвалились».

Ну и давай сочинять, сочинитель х...! Сам просекаешь: что может сочинить чучело, которое слепая корова смастырила. Забавал себе урод уroda — еще страшнее, чем сам! Помнишь еще? Типа той сколопендры о трех туловищах, точно светофор — красное, желтое да зеленое — и с петушиной головой в одиннадцать глаз без зрачков и в бейсболке... Мы еще в музей продать хотели, да поймать не смогли.

Смотрит на творение свое этот, и, похоже, понравилось ему. Тут же с ходу еще смастырил парочку: барана да ярочку; как, помнишь, контролер Штиблетов говорил. Да и эти оба — уроды, один другого смешнее.

Тогда этот коровий хвост, мастер — руки в заднице, пузо выпятил и базарит:

— Эй вы, сюда смотреть!

А те забили; что-то между собой перетирают.

— Вы там не опухли? — еще громче он к ним. — Я вроде как пахан ваш, потому вы это... тут... должны, короче...

— Кто ты такой? — они ему, нагло так.

— Я? Я... — тут же он их лечит. — Имя мое Дрищ, что значит Наипрекраснейший под солнцем и Наисильнейший под луной... Или, для кентов, по-простому: Герой.

— Жопы с дырой! — заржали они и поканали себе куда-то.

А сопля коровья с той поры поумнел, видно. Никого больше не матырил. Сочинять стал втихаря; тихо сам с собою... Короче, брателло, фантазией тешится. А фантазия, она ведь целиком в его власти: и сама ничего не попросит, и не увидит ее никто — нету... А на нет — и спроса нет: коль никто не узнает, все можно себе позволить.

Насочинял себе вагон и маленькую тележку. Тут тебе и нечто с телом наполовину львиным, наполовину бегемотовым и с головой крокодила. Или вот еще — два гор-

ба в бородавках на вздувшемся пузе. Пасть на пузе же во всю ширь. Язык в пасти так поместил, наоборот, чтобы рос в обратную сторону, внутрь пуза. Когда говорил, хрен просечешь. А головы и совсем нету.

Так тешился долго, а потом надоело как бы. Только я так понимаю, что просто на большее фантазии не хватило. Все одно и то же да одни и те же; каждый день. Закис поначалу он было... А потом, знаешь, как выкрутился? Придумал, чтобы и надолго, и не париться: всем, кого раньше сочинил руки-ноги пообрывал; глаза повыкалывал. Оставил каждому по одному глазу, по одной ноге и по одной руке; ну, или по одному крылу, кто с крыльями был. Так что теперь нормально видеть, ходить и летать они могут, только объединившись попарно. Сиди себе на заднице ровно, представляй себе, как кто и кем соединился. Раз так, другой раз иначе... Вариантов-то море. Круто придумал!

ЧАСТЬ II

Проясняется понемногу

У геолога он это подобрал: «полевой сезон». Еще в самый первый раз, в Сочи. Олеся ее звали; из Хабаровска, хохлушка чуть за тридцать. Решительно не разрешала называть себя «геологиней» даже Лаптевым предложенную как бы в шутку, благородную «геологессу» отвергла; только — «геолог». Без тормозов была нимфоманка. Сама Лаптева захомотала в первый же вечер; он и не сопротивлялся даже. Понятно, с ней какая работа? Когда улетела, пришлось дополнительно денег у Вильдавского просить, чтобы остаться — поработать наконец уже. Остались от той Олеси: отрицательный опыт да полюбившееся: «полевой сезон».

Это — все же с иронией. А вот «метод» у Виктора Егоровича термин серьезный: без улыбки. Гордился он про себя: «метод Лаптева!» Это как у Бажова — с детства запомнилось ему — «секрет мастера». Если бы спросить у Лаптева: в чем суть? как работает? Режь его, не сознается, не скажет. И не потому, что за столько лет не сформулировал, не определил (даже для себя) ясными словами, хотя грешил часто: словами. Из суеверия бы не выдал — *секрет*.

А в самом деле, какой тут такой секрет-то? Почти случайно так с первой книжкой вышло: негаданно, сверх ожидания успешно. Так же и со второй решил попробовать; от добра добра не искать. И снова ведь — успешно. Так и сложилось у Лаптева: если коротко, то так, примерно...

После того как сначала фабулу придумает, потом сюжет себе более или менее определит, тогда — это очень ответственный для Виктора Егоровича момент, тонкий — *гудит* он. Как трансформатор какой: трансформирует то, что есть за душой, в некий приблизительный образ; пытается представить, для кого лучше *подойдет* эта история, что он в новом романе рассказать хочет. Короче: для кого писать. Писать *вообще*, для некоего абстрактного «читателя» Лаптев не умеет; для вполне определенных, надежных, читательниц пишет книги свои Снежана Ардугина. А про то, что можно писать «не для кого-то, а для того самого, что пишется», она и не подозревает. Лаптев знает про то, только... свой шесток тоже — знает.

Когда Виктор Егорович, а порой бывает — не один месяц ему потребуется для этого, более или менее *притрет* их друг к другу, сюжет с «читательницей», едет в Лидо-ди-Йезоло он. Вот уже тринадцатый год — сюда. Поначалу искал еще... Первый раз, в 1992 году, Сочи; потом — перебрал достаточно: Анталья, Пхукет, Шарм-эль-Шейх... Работа спорилась, но душе чего-то не хватало. Решил уровнем подняться немного,

да и денег уже доставало. Думал в Испанию, а получилось — в Лидо-ди-Йезоло. Сразу понял, что здесь; как будто щелкнуло что-то в душе, и встало все по своим местам; определилось.

В Лидо снимал Виктор Егорович номер в дешевом отеле (много перебрал за все эти годы). Знакомился с женщинами, тут их много, из России, которые, как определил уже твердо, *подходили*. Заводил с ними он либо *курортный роман*, либо (реже; однако, почему-то, производительность труда и отдача — выше) *дружбу*. Таких присматривал, которые через неделю, максимум через две уезжали бы... С ними «общался» Виктор Егорович до их отъезда; порой бывает, что и до «своего отъезда». Звучание верное подбирал роману своему, *настраивал*.

Важно, чтобы секс, если он все же был, не стал главным в их общении; разговоры о жизни, все такое... «Дама с собачкой» — без продолжения. Понемногу, аккуратно — когда тут что расскажет ей, как бы из жизни, когда там — то совета спросит, то еще с какого края сюжет свой подсунет; слушает, что скажут, как поймут... даже подкажут вдруг что, бывало. Женщин тех зовут для себя «камертонами» Лаптев.

Безотказно метод работает! На самом деле как камешки в море, временем отшлифован. Метод Лаптева... А время в Лидо-ди-Йезоло называет Лаптев «полевой сезон» или «работа в поле», хотя и с иронией, но ему — по душе.

И чтобы не спугнуть удачу, не изменял он ни разу методу своему. Только в этом году позволил себе небольшое изменение, да и то не по сути, а так — чисто формально: захотелось комфорта. Не молодой уже, да и заслужил: такая вредная, нервная работа у него тут. Да и... денег уже с лихвой. Поселился в номере — люкс respectable отеля, устроил себе, тоже от Олеси осталось, «базовый лагерь». А для легенды снимал, как прежде, номера в дешевых гостиницах.

Откуда у Лаптева метод его? Ну, Снежана Ардугина могла бы ответить в своем стиле: мол, два корня вскормили и вырастили столь необыкновенно плодоносное *дерево*. Виктор Егорович, конечно, такого бы себе не позволил: моветон. Как бы иронизируя, с намеком, так бы сказал: «Если у некоторых, если помните, при старом режиме, было три источника, то у меня их только два».

Первый источник Метода Лаптева — это Борька Вильдавский, конечно. Второй — Надька Коровайкина, дурочка.

Первый источник: Вильдавский

Сколько себя помнил Витя Лаптев, столько помнил Борю Вильдавского. В садике, в школе, в университете — был рядом. С ним не было скучно никогда. Как-то так всегда выходило, что хотя интересы у обоих были общие, но в начале почти каждого их интереса: Вильдавский. Сказать нельзя, чтобы Лаптев ведомым был; умел он и сам разглядеть интерес: найти или придумать. Только Борька, как правило, чуть быстрее; и разглядит, и найдет, и придумает. Однако пусть и первый, но всегда: то же, что и Витьке интересно. Адреналинозависимы оба были в степени почти равной. Если б не были первыми учениками оба, то выходило — хулиганы и хулиганы.

Вот чем отличался Боря Вильдавский, так это умением найти выход из самой сложной ситуации, вывернуться в любой передрыге. И похоже (об этом, конечно он и не думал, просто было так), Лаптев не только от отчаянного характера своего лез в любой кипеж, какие постоянно Вильдавский заваривал, но и потому еще, что знал: с Борькой — пронесет.

Как тогда, в дурдоме. В четвертом классе, после субботника.

Прежде как-то на субботниках в школе или рядом где общественно полезным трудом занимались, а в тот год погнали на окраину, саженцы в Юбилейном парке высаживать. Когда закончили, Борька к автобусам не пошел, сказал:

— Витька, здесь же за парком дурдом областной, рядом.

— И что? — не понял Лаптев.

— Узнаешь что, — темнить он любил. — Пошли.

И ведь дорогу знал, как будто был здесь когда. И знал, где пролом в высоком кирпичном заборе: в бузине и не заметишь. Продрались по кустам к задней стене, окна за решетками, открыты вовнутрь; тепло уже. Высоко окна, но кирпичи подложили, можно заглянуть.

— Женское отделение, — с восторгом в шепоте Борька и руками за решетку, подтянулся; рожа уже в окне. — Гляди!

Тогда и Витька подтянулся на решетке: тетки в серых мятых ночнушках; кто взад вперед слоняется, кто на кровати сидит; лохматые, как ведьмы. Свистнул Борька негромко, тетка с ближней кровати встала, подошла, за ней еще две. Она толстая такая, а те две... да Лаптев и не разглядел их. Борька потому что сказал ей:

— Покажи сиськи, тетя.

Она ночнушку задрала выше головы. И... лохмы под обвисшим животом, а на животе... сиськи эти самые. Долго потом Витю еще преследовала картина: два огромных расплывшихся соска. Тогда же — увидел лишь, да ничего не почувствовал... такого. Только страшно было: не от страха, а — от стыда. Тут дядька здоровенный их снизу и подхватил. И — в дверь с табличкой «Главный врач Ерболов Е. Е.». Там говорил Борька, конечно; и — отпустили их...

Поначалу, после окончания университета, Вильдавский, вроде как, лучше устроился — в закрытом НИИ. Смеялся: «Это, Витька, все кровь еврейская; против не попрешь». Лаптев же засел в Бюро переводов в Технической библиотеке. С началом перестройки НИИ Борькин загибаться стал и за пару лет совсем загнулся, А Вильдавский смеялся только опять: «Судьба такая от века, наша еврейская; против не попрешь».

А Лаптев на плаву остался, даже в гору пошел: вдруг всем его английский понадобился. Правда, по мелочам больше — там двадцать баксов, там еще десяточка... Но по тому времени богатство: сначала видеомэгнитофон купил, потом комнату в коммуналке.

Однажды пришел Вильдавский и сказал:

— Вот тебе книжка, переводы. Двести долларов.

Положил на стол карманного формата в бумажной обложке книжонку. На фоне заката красавица с красавцем целуются. Не стал Лаптев ничего говорить, перевел эту чушь за неделю; деньги получил. Через месяц еще две подобные перевел.

Первое время Вильдавский приносил (*издательство «Кооператор»*) переведенные Лаптевым «rocket-book's»: *авторский экземпляр*, да тот их выбрасывал. Ну, дешевка ведь: мед и сопли, немного нервно и — поцелуй взасос. Но... работы, считай, никакой, и за хорошие деньги. За неполный год набежало чуть ли не пять тысяч баксов! Через год и того больше: комнату продал, квартиру купил. А Вильдавский коммуналку расселил, в которой они с матерью жили.

На третий год Борис сказал:

— Как-то притормозили книжонки-то наши... Моя вина, не просек вовремя. На боевики и детективы теперь не перейти, время упустил — чужая территория.

Когда вот так ныть начинал он, знал Лаптев: что-то придумал, не стал ничего говорить, выждал. И дождался:

— Короче, давай садись и пиши роман, сам.

— Ты — дурак, Борька?

— Условие одно: история на российской почве. Это тренд сейчас такой, по всем жанрам пошел.

— Да разница-то какая? Тренд-херенд! — Лаптев разозлился. — Я напишу, руку набил... А историю, сюжет ты придумаешь? Давай...

— Разница: одна дает, другая дразнится! Набил руку? Вот и флаг тебе в руку, и ветер попутный, сам знаешь куда... Голову включи: там же все про одно и то же! Ну, пусть не во Флориде, а... ну там в Крыжополе; не Мэри с Джоном, а Машка с Ванькой... Ну, мозгой-то пошевели! В общем, так... Пятьсот баксов сразу; и потом: как продаваться будет — договоримся.

Взял Лаптев пятьсот долларов, жить надо. Тем более что лавочка-то, похоже, прикрывается. Переждат, а там с Борькой-то и выкрутимся! У него получится: и кровь еврейская, и еврейская судьба... Вспомнил Витя, про что переводил, покумекал недолго: в принципе, просто все показалось.

Но только стал Мэри в Машку переделывать и в Крыжополе высаживать, не растет! Вроде сюжета особого и не надо, все давно придумано... Но вот не хватает чего-то. А деньги так быстро заканчиваются. Понятно, Борька назад требовать не станет никогда, только стремно... Потому что — Борька все же.

По ночам спать не мог уже Лаптев. А тут еще... Недаром говорят, что жизнь точно зебра: белая полоса, черная полоса, белая — черная... А в конце гарантированно: жопа. И не понять ему было, что на самом деле: черная полоса еще или — уже пришла пора воду сливать. Снежана тогда всю сволочную сущность свою показала: после развода квартиру продала и с Катей из города уехала. Душу вынула! Если бы мог он в тяжелое время пить, спился бы тогда. Но такая уж натура у Лаптева, что пить может он только на радостях. Когда плохо, душа спиртного не принимает. И было от того еще мучительнее. Тупо проживал время; когда вспоминал кто при нем позже: путч, съезд... — помнил Лаптев одно только, что с куревом тяжело было.

Казалось бы, что по сравнению со всем этим какая-то невыполненная работа? Но почему-то именно чистый лист в печатной машинке больше всего мучил; наверное, думать о разлуке с дочкой страшно было... Днем какая-то суета еще отвлекала, а ночью — пытка. Однажды ночью курил-курил и вдруг посреди привычной безнадеги понял. И так понял, что сразу и поверил! Не в истории дело, не в сюжете.

Понял, чего не хватает ему. Не умел он, Витя Лаптев, не дано ему было от природы в дар умение рассказывать просто так: ради самого рассказа. Вдохновляла не история — реальная или придуманная, а тот, кому рассказать хотел: вдохновлял на историю. Всегда был нужен слушатель, чтобы чувствовать его, видеть реакцию, импровизировать. Тогда умел Лаптев рассказать и самую незатейливую историю так, что заслушается; так зацепить, что искренне распереживается. Особенно хорошо выходило, когда врал, когда на ходу сочинял. В детстве-отрочестве Витя часто тем умением своим пользовался, а потом, с годами, как-то ушло все потихоньку.

Когда книжонки про Мэри и Джонов переводил, ни разу не задумался: для кого эти незамысловатые истории? А вот теперь... Если бы сообразить: кому рассказать; почувствовать ту женщину, для которой историю рассказать. Тогда запросто станет у него Мэри Машкой, а Флорида Крыжополем; и победят они с Джоном-Ванькой все плохое. Не заморское зло, а свое, тутошнее. Устроят после всех передрыг — в конце концов — для себя все хорошее; на российский лад. Хеппи-энд — это святое, а свой, нашенький, счастливый конец еще святее.

Осенило Лаптева, когда нагнулся поднять с пола спичечный коробок. Да мало что осенило, сразу и понял без сомнения: для кого ему нужно историю написать. Для Надьки-дурочки! Написал за неделю. Перепечатал, отдал Борису.

А через пару месяцев звонит Вильдавский из Израиля:

— Здесь, — кричит, а сам... уж его-то Лаптев знал как облупленного, и пусть в трубке больше треска было, чем голоса, но не надо ему и видеть было, чтобы понять: Борька там аж светится, — здесь! Второй тираж будет — здесь, просекаешь? Первый уже — аллес! Распродан! И вот теперь — «Гершензон»... права у нас покупает. И — перевод еще!

— Делай как знаешь, — Виктор в таких делах полностью на Вильдавского полагался, не стал в детали входить, расспрашивать; да и связь была плохая. А Борис продолжал, хотя уже и без прежней аффектации:

— К маме зайди, получи... трам-пам-пам!... полторы тысячи долларов. Там дядя Се-ня сейчас, я его предупредил, он даст, — потом добавил: — И там еще... я кое-что под-готовил; Семен Моисеевич покажет; поговори с ним. Я потом еще позвоню.

В коммуналку, где, среди антикварного еврейского бардака и кошачьей шерсти, Борис жил с матерью, Виктор давно уже не заходил. Теперь же: куда исчезли шесть разнокалиберных звонков на входной двери? Медная табличка появилась: «Вильдавский Б. А.». Однако бардак и кошки никуда не исчезли, и в шести комнатах можно устроить уютный беспорядок.

Лия Борисовна Лаптева любила; сразу:

— Ой, Витенька, Витенька, как же давно тебя не видела... — чай с сухариками, и без умолку. Сперва притворялась, наврала:

— Ай, Витенька, книжку какую душевную написал!

Потом, как обычно:

— Помнишь, Витенька... — как только и помнит она все про него, что он и сам позабыл?

Всегда было здесь ему хорошо.

Потом дядя Семен пришел, таинственный персонаж детства. Борька столько про него рассказывал: дядя Сема из Батуми; с восхищением! Но Лаптев его ни разу не видел. Теперь: невысок ростом, но представительный. Усы точь-в-точь как; волосы темно-русые, густые под образец пострижены-уложены: Сталин. Но не френч — костюм плотный, дорогой; белая рубашка, галстук; еще платочек из нагрудного кармана; ботинки заграничные. Запах иной: парфюм.

— Прошу в кабинет.

В «кабинете» только стол километр на километр. Какого-то из старых романов дерева; с двумя тумбами, точно шкафы; резьба сплошная по дереву, фигурки; сукно небесного колера. На сукне медные солидные, неизвестного канцелярского предназначения предметы. У стола табурет кухонный; окна без штор, до половины газетами прикрыты.

Семен Борисович брезгливой рукой сбросил со стола двух котов, хотел было сесть на табурет, но посмотрел на Лаптева, остался стоять; табурет ногой под стол задвинул. Конверт из ящика стола вынул, протянул:

— Нет, молодой человек, дайте-таки себе труд, пересчитайте!

Потом еще из ящика несколько листов на скрепке:

— Борис просил вам передать, ознакомьтесь внимательно, — табурет выдвинул обратно. — Присаживайтесь, я вам мешать не стану.

Пошел было из комнаты, у самой двери обернулся, плеснул аккуратными ладошками. Ухоженные пальцы сложил мыском: на указательном золотой перстень; на безымянном тонкое колечко, чуть ли не алюминиевое:

— Да... курите, конечно, — вышел, тихо дверь затворив.

В листах на машинке, с выбивающимися то тут, то там из строки буквами: «Договор». Новый роман. Аванс: тысяча долларов сразу, еще две с половиной — после сдачи.

Ну конечно, покурил как можно медленнее, чтобы не так уж сразу. Еще раз глянул, теперь с улыбкой: «Издательский дом „Вильдавский“, в дальнейшем именуемый „заказчик“...»

Подписал — и уехал в Сочи.

Баллада о мертвом дереве

Но — что это тут?.. Видит Она: дерево растет тут; выросло дерево сухое
Вдруг из песка. Тут, где легион неисчислимый был гневом Ее погребен
Под мертвым песком, что от берега замерзшей воды.
Дерево растет из песка там. Дерево сухое, без листьев;
Дерево с витыми ветвями. Точно змеи они, узловатые, скручены — все:
Восемь влево змеятся, и пять их корявых — направо; из кривого ствола.

Тринадцать числом на ветвях тех повисли вниз головами аспиды,
Точно плоды: черные карлицы. Песню поют сладкоголосого,
На пуповинах качаясь в такт колдовского напева:

«слышим голос вопля одиночества Твоего,
одиноким воплем голоса величества Твоего слышим
о, жизнь! о, сила! о, воля! о, здоровье! о, царство!
явились мы из домов своих на голос вопля одиночества твоего
прибежали мы из домов своих на вопль голоса величества твоего
о, жизнь! о, сила! о, воля! о, здоровье! о, царство!
взгляни и увидишь нас в образе подобия величества твоего
нас увидишь взглянув на подобие образа величества твоего
о, жизнь! о, сила! о, воля! о, здоровье! о, царство!
здесь мы с тобой вместе оплакиваем величину несчастья твоего
заклинаем мы для тебя величину несчастья твоего
Великим заклинанием
о, жизнь! о, сила! о, воля! о, здоровье! о, царство!
Слышишь: согласно звучат голоса наши с голосом твоим
с голосом торжества величия твоего так согласно
звучат голоса наши вместе звучит гимн торжества
величества твоего над величиною несчастья твоего
о, жизнь! о, сила! о, воля! о, здоровье! о, царство!
большая сестра одна из нас и вот ты не одна сестра
с тобой мы теперь сестра неотделимы мы теперь сестра меж нами
отдели рукой свою сестер своих неотделимых от тебя сестра
отдели нас сестра от древа сего что взрастило нас для тебя
о, жизнь! о, сила! о, воля! о, здоровье! о, царство!
ибо потерялась ты от сестер неотделимых отделилась скрылась
несчастливая скрылась одинокая от древа
что зовется деревом узнавания и называния деревом перечисления
о, жизнь! о, сила! о, воля! о, здоровье! о, царство!
сестра большая возьми нас от древа сего сестер малых
возьми нас теперь навсегда к величеству твоему

о, жизнь! о, сила! о, воля! о, здоровье! о, царство!
о, жизнь! о, сила! о, воля! о, здоровье! о, царство!
оборви пуповину, что удерживает нас от смысла нашего
да исполним мы смысл наш неотделимая сестра».

Медовое, ладное, пение их волю Ее пеленает в нежную негу,
Уж опутали чары силу воли Ее. Протянула Она уже было руку,
Чтоб пуповины их оборвать...
Исчезло в тот миг солнце в пасти короветы,
А луна не появилась. Стала тьма та, что прежде была тут от века.
И слышит Она во тьме небосвода свой собственный голос;
Пророчествовал голос Ее к Ней словами пророчества,
Что Она позабыла. Так голос Ее к Ней пророчествовал:

«волхованьем Его, кто там — за гранью и не может войти,
кто лелеет подмену и желает узнать узнаваньем своим и назвать
именами своими тварей, что Ты сотворила волей своей, дерево сухое
вот выросло здесь. В месте, в котором Ты упрятала, где в гневе отмщенья
под песком погребла; под песком берега замерзшей воды схоронила
исчадия хаоса. Не духа чужого из тьмы, что прежде была, то исчадия:
Ты сама допустила тот хаос, что сердце твое ужаснул; не желала того Ты
но Ты — виновата, что дерево сухое Его выросло здесь волхованьем Его,
кто там — за гранью и не может войти. На ветвях уже народились,
созрели выблядки похоти Его: оборви пуповину, и — на землю Твою
сойдут предстатели воли Его и выблядки похоти волю исполнят:
узнают своим узнаванием тварей твоих и назовут именами своими,
и перепишут Его письменами, чтоб заблудились в тех письменах
твари живые, что из радости сердца волей своею Ты сотворила.
Согласие жизни, что Ты создала, в письменах тех засохнет, и возопят
Заблудшие твари голосами воплей своих о несчастье своем,
но не смогут услышать друг друга, и жалость забудут друг к другу,
и небо на землю падет, и станет, как было: во тьме пустота».

Услыхала Она голос свой, голос пророчества своего, и вспомнила, что забыла.
Отпали чары от воли Ее; чары, коими сладкое пенье медовое ладное
Опутало волю Ее; вновь Ее сердце гневом великим пылает, ярость брызжет
Из глаз — дерево то заломала в сердцах. И огню предала; сожгла беспощадно
Вместе с выблядками тех ветвей змеевидных... Но что же Ей делать теперь?
Как быть Ей? Вспомнит ли вновь: что напрошено Ей?

Что было днем и ранним вечером

За обедом в «Президенте» Лаптев, как положено «вновь прибывшему постояльцу»,
знакомился с соседями по столу: «Можно просто Виктор, а вы откуда? — Из Красно-
ярска!.. — А я из Кургана...» Тут — граница на все время здесь; держать дистанцию;
только о самом общем.

После обеда он с чашечкой эспрессо засел на застекленной веранде, откуда хоро-
шо просматривались оба выхода из отеля. Дрянной кофе тутошний не пробовал даже,
курил только; присматривался. Наметил еще в ресторане за обедом, опытным глазом:

трое, похоже, подходят. Две из них после обеда — одна почти сразу, другая попозже — направились в сторону пляжа.

«Ну, хватит прохлаждаться, уважаемый, пора и честь знать — за работу!» — Лаптев загасил сигарету, встал из-за столика и двинулся за ними. Но пришел... в «Аврору». Завалился в номере на диван и до ужина тешился, читал *настоящее*: «Учителя музыки» Ремизова.

Он бы мог заставить себя пойти на пляж, понаблюдать еще за теми женщинами; может быть, даже и познакомиться *случайно*. Но оказалось вдруг, что столь радикальное нарушение им же самим годами выработанного порядка так приятно щекотало душу. И — похоже — душа прискучившего рутинной Виктор Егоровича давно уже желала чего-то подобного. Почитал и пошел себе в город. Там и поужинал, довольный, в одиночестве, в том ресторанчике, куда по работе водил своих камертон-женщин. А потом и на пляж подался. И пляж, и море были сегодня *ему for myself only*.

Поначалу Виктор Егорович с замечательно пустой головой под бейсболкой, закатав штаны до колен, босиком долго шел по кромке песка — время от времени волны, что подлиннее, накатывали по щиколотку: приятно — вдоль бесконечных пляжей. Когда вернулся на пляж «Авроры», было уже почти восемь часов. На лежаках почти никого не осталось. Да и те, кто еще копошился, по большей части складывали тенты и собирали манатки. В море тоже так: никого до самого задранного к небу горизонта. Плавающих отплавали на сегодня; и самые упоротые купальщики откупались уже.

Виктор Егорович у самой воды скинул джинсы и футболку, в семейных трусах ринулся в море — стремительно за буйки. Махал саженками в сторону горизонта, пока солнце не опустилось так низко, что лучи по волнам — прямо в глаза. Лег на спину Лаптев, поплыл потихоньку обратно. А солнце все ниже, угасает, почти заметно; дневного неба все меньше. Перевернулся в воде одинокий пловец, снова длинными саженками — к берегу. А там уже почти сумерки; тут короткие сумерки, полчаса — и ночь уже.

Когда он доплыл до берега, обернулся на горизонт, точно принудил кто: там небо тяжелым прессом, всей темной тушей своей солнце — такое маленькое, тусклое — вдавливают в темную массу моря. А как обернулся, в тот момент — точно не выдержал давления — лопнул, взорвался тусклый шар: брызнуло ясным металлом в чернильное небо! И разлился широко над морем раскаленными языками закат. Медленно, медленно и тягуче остывал...

Свет густел: от ясного пламени через золото — в багрянец. Неисцелимый свет тот лился тягуче через взгляд его очарованный Лаптеву в душу, заполнил восторгом. Так стоял у кромки воды... и вдруг всплыло: «В багрец и золото одетые леса». Почувствовал: некая мысль упорно пробивается в его сознание, не может выбраться. И признавал Виктор Егорович: необыкновенно важна для него эта мысль. Но так и не смог ухватить: почему?

Потух закат. Пропали последние капли света во тьме. Лаптев поднялся к променаду, сел на скамейку, закурил; а вот уже и лунная дорожка от горизонта до берега заблестала на невидимых волнах. Он курил и злился все сильнее: да хрен бы с ней, с этой потерявшейся мыслью! Таких мыслей, что вдруг почувствует он, а через миг пропадут, у Лаптева каждый день не одна. А вот почему он сейчас изводит себя? Покая нет: почему?..

Лирическое отступление

...Сознание — такая уж сама по себе сущность, что ему всегда необходима вот эта самая ясность. Пока не потешит свое обязательное «почему», не даст покоя ни душе,

ни телу. Другие создания — большие и малые, — сознанием не обремененные, живут себе не тужат. Знать не хотят: почему? Почему сами по себе такие? Почему кругом все — так?

А сознательные твари? Вот и жизни им никакой нет, коли не узнают: почему земля под ногами, почему небо над головой? И про все, что ни на есть на свете: почему да почему?

С самого начала так у них: как только сознание свое осознали, и — во все тяжкие. Вот, казалось бы, на самом деле живи и радуйся. Ну, есть земля обильная под ногами. Есть звездное небо над головой. Даже — если уж так хочется, — возможно, и нравственный закон внутри тебя есть. Есть, казалось бы, так живи и радуйся. Так нет, скорчит рожу: «А почему?»

Хотя давно уже академические академики доказали, что на «почему» верного ответа получить, в принципе, невозможно. И в этом с ними даже альтернативные академики, что есть случай исключительной редкости, полностью согласны! Потому что вчера был один ответ, сегодня другой, а завтра — еще с десятком вариантов.

Надежно положиться в ответах на любое «почему?» можно лишь на *грамматически* обязательное «потому, что». Ну еще и на опять же *грамматически* (то есть объективно, независимо ни от нашего представления, ни и от нашей воли) *обязательную* в этом устойчивом сочетании запятую. Только помнить надо: запятая — это прежде всего древнейший символ Змея, а уж потом, когда многие вдруг умными стали, — знак препинания (sic! Вот именно: «препинания»).

Хотя ум и не имеет никакого отношения к мудрости, есть у них и некоторые, частично совпадающие, характеристики; к примеру, если ум всегда злой и лукавый, то случается порой и мудрость — лукавая и злая. Такова и мудрость Змея, который во мраке преисподней обвивает сухое Древо Узнавания и Поименования. Сегодня, когда многие уже и поверили, что стали умными, некоторые — дураки по дурости, а подлецы из корысти — проповедуют, мол, запятая символизирует всего-то невинную радугу. Но!.. еще памятники допотопной эпохи предостерегают: отличайте радугу небесную от радуги преисподней; то Змей из тьмы уже выполз — наполовину.

...Что еще более или менее достоверным быть может в ответе на «почему»? Опять же: не нашей воле подчиненный, подчинительный союз «что». Вот, в общем-то, и все, что в ответах разнообразных на разнообразные «почему?» может быть максимально верным и мало-мальски определенным. Остальное — как сменные насадки в кухонном комбайне; подставляй по собственному вкусу: и то, и это, и тут, и там, и трам-пам-пам-пам-пам...

Вот и тешимся испокон и донныне, да, похоже, и не остановимся. Каждый — кто во что горазд. И ведь у каждого времени — свой ответ; конечно же, единственно верный, потому что правильный, истинный. То *потому, что* боги, то *потому, что* Бог, то — физика с химией да астрономия с Дарвином и ядерным телескопом «Леонардо». Еще и постоянно — во все времена — духи, демоны, драконы, птицы с железной головой и тремя туловищами на шести слоновьих лапах и в красной шапке с железно-дорожной кокардой...

Да всех их, что насочиняли, и не перечислишь. Совершенно не исключено, что однажды явятся наяву и демоны в красных шапках — как выскочат вдруг из нейтронного мелкоскопа или из макроскопа «Леонардо-127»! (Вообще, давно бы уже пора задуматься о том, что все эти «...скопы» уж очень смахивают то ли на «скопцов», то ли на «скопом»; что первые бесплодны, что и во втором случае — как известно, скопом доброе дитя не зачать.)

Потому и нельзя поручиться с достоверной уверенностью: кто был и что было; или вообще не было — никого и ничего. Взять того же Виктора Егоровича Лаптева, который сидит на скамейке под фонарем на променаде, что тянется из бесконечности в бесконечность над пляжами Лидо-ди-Йезоло, и, вместо того чтобы любоваться ртутными играми лунной дорожки на невидимых в романтической темноте итальянской ночи адриатических волнах, томится совершенно бессмысленным «почему?». Именно бессмысленным! Какой может быть смысл в «почему?» по поводу мысли, которую Лаптев не может вспомнить, да к тому же и знает, что не вспомнит? А вот ведь — томится.

...Не о том, вообще-то, речь: томится он там или лунной дорожкой любитесь. Другое важно...

Табличка вторая: Со слов Сапогова, Прорицателя; дословно

Истинно, истинно — вижу взглядом очей моих: светится неисцелимым светом Она! Светом радости счастья своего Она светится там, на берегу замерзшей воды в месте сокровенном, потаенном. Из песка смерти и жизни, песка берега замерзшей воды по представлению сердца своего сотворяет Она волей своей, что должно создать Ей по долгу Ее, что напрошено. Волей Ее реки текут к океану. Волей Ее доли раскинулись и горы восстали до неба. Стали быть и есть: вот леса из деревьев и степи из трав. Стали быть и есть: вот цветы на земле и в воде для украшения места.

Тварей Она создает, тех тварей живых, чтобы жили, как заповедано, не зная души; чтобы плоть их жила без души. Да не наполнятся грустью глаза их; да останутся сердца их невинными. И тварям тем, что создает Она волей своей по представлению своего сердца, Она указала место каждому и время их указала. Чтобы они населили пространства свои. Чтобы стали они, чтобы были и жили там время свое.

И светится светом неисцелимым радости счастья долга исполненного Она, ибо довольна работой своей. И поднимается Она и уходит, покидает сокровенное, потаенное место. Довольна Она законченным делом своим, исполненным долгом. Одно лишь осталось исполнить: печатью на вечность запечатлеть сокровенное место, потаенное место. Ибо закончено дело Ее, что должно закончить; что напрошено.

Истинно, истинно — видел...

Вот какие записи в древних книгах о том; вот какие записи в древних книгах есть о том:

«И вышла Она из того сокровенного потаенного места, когда закончила дело свое. Вышла из той Мастерской, из сокровенного потаенного места, тогда, когда создала все, что должно создать Ей по долгу Ее. Волей своей создала Она землю и воду под небом. Металлы и камни, и стихии создала.

И закончила дело долга Она и засмеялась, ибо довольна осталась работой своей. И вышла Она из того сокровенного потаенного места, дело долга закончив. И душа Ее довольна была законченным делом. Плоть Ее отдыха просит; возжелала Она отдохнуть. Пожелала Она дать отдых плоти своей на горе, что выше всех гор и где кедры в смоле золотой.

Возлечь в тенистой прохладе тех их ароматов. Пока плоть отдыхает, хотела душою своей с вершины горы той, что всех выше — до неба, узреть красоту, что создала силою воли своей. Такого покоя в награду себе пожелала и решила уж стопы свои к горе той направить. Вдруг — налетели тут вдруг все они — те!

Налетели тут все они; разом вдруг налетели, как бури непроглядная туча. Всей тьмою тем напали. Неисчислимым легионом накиннулись — чудища невообразимого урод-

ства. Наперебой завопили все разом: каждый воплем своим. Без терпенья, без жалости каждый другого бьет боем жестоким, в толпе пробиваясь. Налетели толпою и дорогу Ей заступили. Путь закрыли Ее. Страхом до студеного ужаса поразили Ее.

Вот совсем уже к сердцу мертвый лед подступает. И возопило отчаянье из глубины сердца Ее:

— Кто, кто безобразные чудища эти, чужого нездешнего духа исчадья? Как теперь тут они здесь, в прекрасном моем? Я создала: плодородную землю и небо; с солнцем для дела и луною для отдыха. Я сотворила живое для жизни. Счастливые созданы Мною созданы, ибо нет печали в глазах их. Нет в сердце стремлений. Прекрасен в согласии мир мой! Как же теперь здесь — этот хаос, беспорядок созданий ужасных, нелепых уродов?!

Так вопила Она отчаянием из глубины сердца своего:

— Вот дорогу мою заступают они, путь закрыли! Увы Мне! Нет никого, кто услышит вопль Мой. Никто не придет из домов своих на голос мой. И никто не оплачет вместе со мной величину несчастья моего!

Волей своею жизнь Она здесь сотворила. Несокрушима воля Ее и перед ужасом сердца Ее. Волей несокрушимой ужас сердца Она сокрушила. По воле Ее разом умолкли уроды, чужого нездешнего духа исчадья; застыли, окаменели. Гневом душа воспылала Ее, разгорелись яростью страсти. Стопою решительной не к горе, что выше всех и где кедр в смоле золотой, поспешила Она. Не в тенистой прохладе тех ароматов одых дать плоти усталой своей поспешила. Спешит Она, гневом пылая, и ярость шаги ускоряет Ее, скорее в сокровенное потаенное место; на берег замерзшей воды. Торопится в страсти отмщенья, нет пощады во взоре Ее.

Горсть песка того от берега замерзшей воды подхватила, и обратно спешит к тому месту, в котором замер камнями легион исчадий духа чужого. Вернулась в то место, где посягнули посланники хаоса из пределов чужих на согласие жизни прекрасной, что сотворила Она с любовью и радостью в сердце своем.

Пришла: неподвижен терракотовый легион безобразных уродов. Так молвила:

— Сим песком посыпаю вас, засыпаю без жалости. Под забвенья песком вас сокрою, исчадия хаоса — на веки веков бесконечных; навсегда.

Так заклинала. Такою судьбой их судила. Разжала ладонь, и потек тот песок от берега замерзшей воды, забвенья песок — чтобы на веки веков бесконечных сокрыть их, посланников духа чужого, из мрака исчадий. Потек песок: вытекает, течет».

ГАЗЕТА «ОБЩАЯ РЕЧЬ», УТРЕННИЙ ВЫПУСК

Молния!

Сенсационная находка

При рытье котлована под строительство будущей Башни Эсперанто — визитной карточки Всемирного Фестиваля «МУЛЬТИ», который пройдет в нашем городе в следующем году, строители обнаружили древний клад!

Наш корреспондент уже в пути! Подробности в вечернем выпуске!

ГАЗЕТА «ОБЩАЯ РЕЧЬ», ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСК

Что скрывали века

подробно о сенсационной находке

Как мы уже сообщали, при рытье котлована для строительства будущей Башни Эсперанто строители откопали нечто необычное. Ковш экскаватора вместе с грунтом поднял на поверхность глиняную емкость, удивительным образом не повредив ее. В от-

личие от известных из раскопок наших археологов образцов древней керамики этот, позволю себе назвать его так, контейнер имеет форму куба. Верхняя поверхность которого запечатана плотным черным веществом, похожим на окаменевшую битумную смолу. И на ней рабочие смогли разглядеть некие знаки, похожие на древние письмена (*фото 1: древний кувшин; фото 2: таинственные знаки*).

«Если потрясти его, можно услышать, что внутри явно что-то есть, — рассказывает бригадир Е. — Я сразу понял, что это древний клад. И тут же позвонил сначала в самую уважаемую нашу газету; потом в Академическую Академию» (*фото 3: бригадир Е.*).

Ваш корреспондент с трепетом взял в руки древний артефакт. И сразу понял: золота в нем не было! Не особо тяжелым оказался он. Однако ценность этой находки оказалась много выше, чем цена золота или даже алмазов!

Эксперты Академической Академии любезно пригласили вашего корреспондента присутствовать при вскрытии удивительной находки. Так что же хранила она, эта посылка, что дошла до нас сквозь толщу земли и веков? Три глиняные таблички, покрытые клинописью (*фото 4: древние таблички*).

Нужно было видеть с каким почти детским восторгом рассматривали убеленные сединами ученые мужи содержимое древнего контейнера! В один голос заявили они тотчас, что и без лабораторных анализов можно с уверенностью утверждать, что находка датируется эпохой До Потопа!

«Что подтверждает, безоговорочно, я бы сказал, подтверждает мою теорию о том, что здесь, на этом месте, люди живут испокон. Таблички, что чудесным образом дошли до нас с тех давних времен, доказывают древность нашего любимого города. Они раз и навсегда отменяют любые сомнения. Это недвусмысленный ответ всем тем, кто столь яростно заявлял, что наш Город не достоин принять Всемирный Фестиваль МУЛЬТИ. Теперь им придется прикусить свои подлые языки. А тем лжеученым, которые подпевали нашим клеветникам, я бы посоветовал переквалифицироваться в управдомы», — закончил шуткой свой комментарий декан исторического факультета академик Ербол Ерболов (*фото 5: академик Ерболов*).

Однако не только древние таблички оказались в нашем контейнере. Было еще нечто, что академик Ерболов назвал коротко и емко: «Чудо». Обо всем подробно уважаемые читатели нашей газеты смогут прочитать завтра в *Специальном Экстренном Выпуске*.

*Е. Е., собственный корреспондент
(фото автора)*

Копия на потом

В мужском туалете областного ПНД. Пациент Ё. рассказывает своему отражению в большом мутном, во многих местах выщербленном зеркале. Говорит громко, стараясь перекрыть звук воды в неисправном сливном бачке.

— Извини, брателло! Тут придурки зашли, помешали.... Так вот, дальше рассказываю. Короче, вышла она оттудова, из нычки своей; я, как велено, тайком за ней. Пришла в то место, где оставила уродов. Они были, как оставила; не двигаются, молчат. Приходит, значит, и вместо того, как хотела, всех их там зарыть — давай от одного к другому ходить, рассматривает. Я так прикидываю, подлянду какую-то задумала. Но то нас с тобой не касается; велели пасти — зырю потихоньку...

Ходит, значит, рассматривает их. Подойдет к одному чучелу и давай его со всех сторон рассматривать. Смотрит и про то, что видит, бормочет. У этого руки-крюки, ноги колесом, в смысле туловище от одной зверюги, ноги от другой, голова от третьей... У второго — то-то и то-то. У третьего — так и так...

Я зуб даю, по ней дурка плачет: сама себе рассказывает. Вслух, представляешь! Полный пипец! Говорит так, не спеша, подробно. И вдруг как завопит дурниной. А потом опять бормочет: бля, бля — три рубля. И снова как завопит. Я хоть и прислушался уже как бы, а всякий раз — аж вздрогну. И вопит каждый раз одно и то же. Постой, я тут сразу записал по памяти. Вот: «В тоске моей плоти, в печали сердца».

Ну вот... Выбрала одного из тех уродов (почему его? — вопрос мимо кассы!) оживила. И спрашивает:

— Ты кто?

— Я, — он отвечает.

— Как твое имя? — она, значит, наезжает.

— Не знаю, — говорит, — нету у меня имени.

— По какому такому праву, — это она, — вы тут буйствуете, хаоты вы такие-разэтакие?! Откуда здесь нарисовались? Я тут все устроила, и без моего, значит, одобрения никому тут быть не дозволено. Засыплю, — говорит, — сейчас вас всех, к такой-то матери, песком забвения, и кончено с вами всеми!

А он борзый попался:

— Ничего, — грызается, — у тебя не получится, — мы, мол, все такие, что у каждого — душа живая имеется. А потому никакой песок твой ничего не даст, — нет живым душам забвения. Это во-первых! А во-вторых, мы к тому же еще все и бессмертные.

Тут она по ходу понимает, что попала. По-другому заходит, базарит: не будем, говорит, кипеж поднимать. Расскажи, говорит, мне, мой милый, все по порядку; с толком, с расстановкой...

Атас! Потом дорасскажу; цирик идет.

Мед брат Е.: Ну и ладушки! И нам на ужин пора. Сейчас таблетки примем, и кушать.

ЧАСТЬ III

Хор:

почему идущему дальним путем лицом ты подобна?
ты пустыней прошла там где пройти невозможно
ты переправилась через реки где нет переправы
а мыслишь так странно! зачем ты мыслишь так странно?
драгоценен твой сон хоть много в нем страха:
как мушиные крылья трепещут твои веки
как мушиные крылья трепещут твои губы
много в нем страха, но сон этот дорог
для живого тосковать его доля
сон оставляет тоску — для живого

Второй источник: Дурочка

Не случись та история в деревне, не случилась бы и Снежана Ардугина; четырнадцать Витьке в то лето исполнилось. В деревню летом на несколько недель отвозили родители каждый год; в то лето в последний раз был он там: не захотел потом больше. Из-за Надьки Коровайкиной, которую в деревне звали просто — Дурочка. Была она ему ровесница; может, и старше, но ненамного. Однако если на них двоих со стороны взглянуть: он — пацаненок еще, она — девушка созревшая, с формами пышны-

ми и сверху, и снизу. Это если только глянуть! Но если узнать, то все точно наоборот: по развитию Витя чуть впереди своего возраста, Надька же отстала от своего, и — далеко отстала; умом дитя еще; вот потому и Дурочка в деревне.

Ровесницы ее гнали от себя: неинтересно с ней, не посекретничать. Девушки постарше иногда и прибить могли: парни, ухагеры их вечерние, Надьку с упоением — *не понимает, дурочка* — «щупали» и сверху, и снизу. Пусть не в открытую, чтобы *не позориться*, да все ведь знали... Дети помладше, на ее уровне развития, с кем радостно ей было визжать и носиться, тоже не особо с ней играли: кобыла, заигравшись, может и зашибить ненароком. Да и понимали уже и в семь лет, что с дурочкой водиться не стоит.

Надька же, как увидит кого, не отстанет; липла и к большим, и к малым; не понимала. Даже когда гнали, даже били когда — не отстанет, не отлипнет. Одно только помогало средство: нужно было лишь обозвать ее «корова». Тут же убежит, ревет в голос, потом сядет где в укромном месте, сама себя успокаивает:

— Не корова, не корова, не корова! Мы — Коровайкины, это хлеб такой!
(На «кобылу», кстати, не реагировала, не обижалась.)

...Деревня озером славилась; большое озеро, с большими и малыми пляжами, открытыми и укромными. С заливчиками, в камышах схоронившимися, рыбалка; пацаны с утра до вечера на озере. Но в то лето Лаптев как-то все больше один любил; если и брал дедову лодку, то загребал в укромное местечко — читал. Несказанно повезло: у дедова нового квартиранта шесть толстых томов зеленых с оранжевым орнаментом — Фенимор Купер. Вот и в тот день загреб в камыши и — загорать с Чингачгуком.

Слышал, что за камышами у берега, где мелюзга купается, крики, ругань — не обратил внимания. Потом из камышей вдруг прямо на него Надька-дурочка вышла. По шею в воде уже. Увидела Витьку в лодке тут — встала, смотрит и лыбится во всю физиономию. Смотрит и лыбится!

— Чего надо? Иди обратно, дальше глубоко.

— Я знаешь, как хорошо плавать умею, — не уходит.

— Ну и плыви дальше.

— А ты книжку читаешь? — оттолкнулась, проплыла пару метров, уцепилась за борт лодки.

— Отстань, говорю.

А она уже на руках подтянулась, чуть лодку не опрокинула, тяжелая — кобыла! По пояс из воды уже — через борт лезет: футболка мокрая на ней. Из нее два таких... выпирают тяжелые; упруго и — соски сквозь ткань торчат! Слова не вымолвить ему: уставился. А Надька в лодке уже, ловкая. Отлепил еле взгляд все же и как бы в книгу.

— А про кого читаешь? С картинками? Покажи, — напротив села, руку тянет.

Убрал книгу.

— Намочишь, — голову не поднимает; а все же перед глазами... только и видит: ляжки из сатиновых трусов; одна нога согнута в колене, завернулись семейные трусы мужские: ляжка белая до паха; черные волосики выглядывают...

— Тогда расскажи, а? — смотрит прямо, не моргнет, глаза такие... как бы зеленые; не знал еще тогда, как цвет тот назвать: такого прежде вокруг себя не видел еще. А ресницы густые, оказывается, у нее, длинные; просто светлые, не заметишь. Да и кому в голову придет дурочкины ресницы рассматривать? Все лыбится, точно так и — ничего, обычно; а видит ведь, куда он смотрит. Верно парни говорят: не понимает.

В животе у Витьки необычное творится: что-то горячее поднялось, судорога в груди. В мозгу: бум! бум! — а мысль-то тут: «Вот бы... они же все *трогают*». Страшно; страшно хочется! Прогнать надо ее скорее.

— Ну ладно, — тогда сказал, — расскажу.

А теперь в голове уже мысли деловые: «Что ей, дурочке, рассказать, чтобы понимала и интересно было б, не... отвлекалась чтобы?» И тут — само по себе, сразу — бац: «Да „Козетта“ же!» И пошел чесать. Каким образом только понимал — чувствовал, как надо: что из книжки рассказать, что самому присочинить тут же. Да и смотреть уже мог на девчонку; рука вскоре взгляд ему освободила. А она слушает, да так, что — как бы параллельно, не пересекаясь — его не только то, что под рукой, а и внимание ее волнует.

Когда дошел:

— Бросил он ее с ребенком, — задышала Надька часто, грудь вверх-вниз, но не заплакала, только чуть слышно:

— «Фантина»...

— Идет через лес: гроза, молнии, гром, ливень такой — промокли, — вперед наклонилась, лицо почти вплотную к нему, а эти... груди — вниз... горстью осторожно тронул левую; ожегся, но не отдернул; тяжелая какая! Сосок твердый-твердый.

— ...Договорились, что она этой госпоже Тенардье будет платить...

Воскликнула шепотом:

— Продала!

— Нет, она же видела тех счастливых и сытых дочек хозяйкиных. Стала работать, деньги посылать; думала, что там за Козеттой хорошо ухаживают... Они же так договаривались; ничему жизнь ее не научила — верила всякой сволочи!

Ужасов в ужасную жизнь Козетты в том трактире Витя от себя добавил щедро; Надька губу закусил, дышала часто, грудь ходуном. И все же не плакала, даже когда Фантина продала свои «золотые волосы». Никакого внимания на Витькины руки: он и книгу отложил, обеими уже шуровал под футболкой; Рассказывает — и увлекся же искренне, — а руки сами, точно знают как: гладят, тискают, соски сжимают. Хоть пламя внутри, а голосом ни разу не дрогнул; рассказывает:

— В деревне ее все любили, прозвали «Жаворонком», — тут процитировал слово в слово, как помнил уже с шести лет: — «Только этот бедный жаворонек никогда не пел».

У самого слезы навернулись, а — в трусах кол торчит.

Тут и у Надьки все же выкатились две слезы, потекли по щекам, когда он тревожно голос понизил:

— Однажды ночью трактирщица отправила Козетту в лес за водой. Жаворонку было очень страшно, беззвучно плакала от холода и страха...

Выплеснулось; прошептала вдруг; горячо, и губы трясутся:

— Пусть она спасется! Расскажи, чтобы спаслась!

Тут Витька и руки отнял, жестикулирует; торжествуя голосом:

— Вдруг кто-то крепкой теплой ладонью взял дрожащую от страха и холода Козетту за руку. И Козетта от неожиданности ни капельки не испугалась!

Надька застыла с открытым ртом; глаза неизвестного зеленого цвета раскрыты так, что и нет уже вокруг ничего: ни неба, ни воды, ни камышей. А Витька чувствует момент, как стихи — до конца:

— Тогда незнакомец вернулся с самой красивой на свете куклой...

Закончил вдохновенно:

— Козетта пошла навстречу своему большому счастью,

И — пауза, молчат оба; Надька с дыханием справиться не может, Витька не знает, как теперь руки — обратно...

Через длинное мгновение вдруг бросилась она к нему, лодка чуть не перевернулась; прижалась, обняла — целует мокро в лицо.

Потом отстранилась... руку его взяла и снова себе под футболку:

— Вот! Вот, делай что хочешь...

И еще — другую руку его:

— Тебе хорошо, хорошо будет! — в трусы к себе: мокро, горячо... там.

И тут не выдержал бедный Витькин организм: обильно выстрелила в плавках сперма... Оттолкнул Надьку обеими руками, упала, ударилась затылком о борт; а он — с головой за борт, в воду.

Вынырнул, завопил дико:

— Корова! Корова! Корова!

Табличка третья: Со слов Сун-Леле Иннуну, заклинателя

Желает Она дать отдых плоти уставшей своей на горе, что выше всех гор и где кедры в смоле золотой; возлечь в тенистой прохладе тех ароматов и отдых дать усталости плоти своей. Желает увидеть с вершины горы той, что всех выше — до неба, узреть красоту и согласие дел своих; поглядеть на радость душе.

Пошла Она к горе той, что зовется Самая Высокая Гора, и поднялась на гору ту и возлегла там на вершине в благоуханной прохладе тени ветвей кедра золотого могучего, золотого в смоле своей, что рос на вершине. Оттуда окинула взглядом дольний мир: полный красоты и согласия, где прекрасно все. Небеса, и под ними земля на груди океана: горы, и долины, леса и степи, моря и реки все, что есть на земле. Растения, птицы и звери водные и подводные, земные и небесные. Приятно стало душе Ее, и приятно стало плоти Ее. Уснула в счастливом покое, в благоуханной прохладе ветвей золотого смолою своею могучего кедра, что рос на вершине. И приснился Ей сон:

«...по набережной шла молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете; за нею бежал белый шпиц... Ее выражение, походка, платье, прическа говорили ему, что она из порядочного общества, замужем, в Ялте в первый раз и одна... Он ласково поманил к себе шпица и, когда тот подошел, погрозил ему пальцем. Шпиц заворчал. Гуров опять погрозил. Дама взглянул на него и тотчас же пустила глаза. — Он не кусается, — сказала она и покраснела. — Можно дать ему кость? — спросил он...» — «...Как? Как? — спрашивал он, хватая себя за голову. — Как?»

Тревогой затрепетали веки Ее, под которыми сон. Но еще надеялась душа так: *«Еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь. Но было ясно, что до конца еще далеко — далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается...»*

Проснулась Она пусть в слезах, но — живая; веки разъяла, открылись глаза. Она слезы утерла, глядит и не видит. Не видит кедра на вершине горы самой высокой; нет ни горы, ни чудесного вида на райские кущи! Все там же Она, куда поспешила в ярости своей, оставив безмолвных недвижимых уродов в холодном ужасе ожидания плодов гнева своего. Все там же Она, в месте том потаенном, сокровенном; стоит, в раздумье забывшись, на песке берега воды замерзшей...

(В этом месте текст обрывается: нижняя часть таблички отбита.)

Позже

Где-то — дальше по променаду — уже музыка, голоса; женские в основном; скоро засверкает разноцветно иллюминация, каждый вечер на пляже у главного пирса — дискотека с десяти часов...

Сидит Виктор Егорович под фонарем на скамейке променада, не любит на лунную дорожку, не курит. Руки локтями в колени упер, голову опустил: в ладони тяжело упрятал. Совесть его, что ли, мучает, что бездельничал целый день? Да ничего подобного! Он и был-то сейчас с собой наедине, вообще-то, и не в сегодняшнем дне, и не на лавочке под тусклым фонарем на пляже в Лидо-ди-Йезоло. Какая там, где он был, совесть?

Или, может быть, грыз себя какой мыслью он? Вот ритуал в последние пару лет у него такой: грызет себя он — мыслью. Мысль та крайне банальная: должен ли он, Виктор Егорович Лаптев, обладающий достаточно высоким интеллектом и достаточно развитым вкусом, стыдиться того, как устроил он и как проживает свою жизнь? Но сейчас как бы и не время для нее...

Это потом, обычно в глухом беспросветном ноябре, когда приходит пора садиться за компьютер и набивать текст очередного романа, мается Лаптев дурью пару дней; оттягивает неизбежное. Потому что скучное это занятие, что уже сложилось — в слова переписывать. А вот так сразу обратиться Снежаной Ардугиной не получается у Виктора Егоровича. Сначала ритуал. Слова давно подобраны, из года в год одни и те же; пошлятина, конечно, зато — медитация. Мол, живет он — и хорошо живет! — сочинением низкопробных книжонок на потребу толпе; книжонок, которые сам бы читать никогда не стал. И даже не презирает себя, понимая, что не станет менять свою жизнь. Комфортно ему в том достатке, которого он достиг подлым в его собственных глазах «компромиссом». И то, что он малодушно скрывается за именем Снежаны Ардугиной: стыдно, стыдно, стыдно...

Так пару дней, сам над собой похихикивая, помается Лаптев дурью, а там — вот уже Снежана Ардугина сидит за компьютером, ловко перебирает пальцами клавиши. Легко скользят по экрану монитора ее гладкие слова...

...Так какого лешего сидит Виктор Егорович Лаптев тут у моря так, что глянь кто со стороны — совсем плохо человеку? Сам не знает того. Да он сейчас вообще ничего про себя не знает! Битый час нет его нигде, Лаптева; и с самим собой, с Лаптевым, похоже, его нет...

Если бы проникнуть ему в голову: удивительное дело там! Как заевшая пластинка в сознании Виктора Егоровича — мысль; повторяются по кругу одни и те же слова: «Закат... такой вот... Вот нет ни тверди земной, ни тверди небесной... Бессмысленная ведь она! До боли, до ущемления души, до бессилия, до безнадежности — бессмысленная беспросветная красота заката... В багрец и золото одетые леса...»

Слова эти в сознании его явственно звучали, но сам Лаптев их не осознавал. Осознал бы, так, наверное, стал бы лихорадочно таблицу умножения повторять, чтобы зацепиться было за что, вернуться. А увидел бы себя сейчас со стороны, откинулся бы, как будто расслабон, на спинку скамейки да принялся бы тихо насвистывать «Чижика-пыжика»; тоже — якорь.

Как долго бы еще так сидел себя потерявший человек в конце того — таким ни с того ни с сего вдруг столь необычным сложившегося — дня? И чем бы его такое сидение обернулось? Запросто мог и — не вернуться; наверное? Однако того уже не узнать:

вышел из темноты итальянской душной ночи и остановился напротив Виктора Егоровича смазливый мулат; как положено, в белом весь. В тесном шатре фонарного света еще эффектнее: стройное, гибкое тело с фитнес-плаката, блеск уложенной прически:

— Something happened? Do you need help?

«Я что, так плохо выгляжу?» — пробилось все же наконец в сознание Лаптева; поднял голову. Глянул снизу — вверх. Но похоже, не совсем еще вернулся из туманных полей Виктор Егорович.

— E, successo qualcosa? Hai bisogno di aiuto? — альфонс спросил наглее, ближе подошел.

Ну наконец-то уж! Адреналин его никогда не подводил: безотказно, когда нужно. Лаптев встал спокойно, в подведенные глаза его посмотрел и по-русски:

— Я что, так плохо выгляжу?

Ушел тот сразу, как не было его тут.

Виктор Егорович достал пачку из кармана — сердце все еще не угомонилось — а... сигареты кончились; смял в кулаке — пустую, бросил в урну у скамейки. Не попал, отскочила в темноту. Шагнул, присел на корточки, руками по песку шарить стал; нащупал в темноте пустую пачку — тут его и осенило: да это же море сегодня его и сбило! Да с утра ведь: еще. Потому-то и — так! У Надьки той... Коров... Коровайкиной, у дурочки... глаза этого адриатического зеленого цвета были тогда; точно. Так доволен Лаптев стал, что даже и в голову ему не пришло: а вот уже столько лет он у моря тут, и цвет этот... всегда; что же это вдруг сегодня-то такой день случился у него?

Довольный большим удовольствием Виктор Егорович и малого удовольствия тут же вкусил: непринужденно швырнул мятую пачку через левое плечо, не глядя, и — точно в урну. Вот хоть и не ждал от себя и не загадывал, просто позволил безделье, и... ведь не зря!

А время-то, он на часы глянул, начало одиннадцатого: ха-ха... по регламенту самый разгар полевой работы. Только сегодня он — сам себе хозяин! Почему бы сейчас не вернуться в «Аврору»? Посмаковать на террасе чашечку тамошнего эспрессо с сигаретой. Или ха-ха... даже... просто так, для секса лишь, снять женщину.

Тут Лаптев себя трезвой десницей одернул: угомонись, Витя, перебор! И в самом деле, уже совсем по-щенячьи как-то — из ошейника выскользнул, так сразу и берега потерял. Кофе с сигаретой — это можно, а потом: в номер и... да хоть телевизор смотреть стану!

...Виктор Егорович поднялся в город. С темнотой духота чуть спала, и праздный люд, вернувшись с пляжей и плотно отужинав, высыпал из гостиниц на променады в поисках вечерних удовольствий; кто целенаправленно, но большинство — *как получится*. «Самая длинная в мире торговая улица» забита праздным людом; вечером и ночью не ездят по ней автомобили. Медленно колышется под тусклыми фонарями меж пиний, точно косяк сардин в Гольфстриме, в тесноте фланирующая толпа. Обычно и он в это время шел вместе с толпой; не отличить от остальных. Но не бездельно, как все: работал. Время от времени легко прихватывая очередную свою спутницу за талию, под локоток или приобняв за плечи, лавировал в толпе.

Теперь же был он наконец сам по себе и для себя. Только вот именно для себя — необходимо Виктору Егоровичу сейчас как-то пробиться на противоположную сторону Via Andrea Bafille. Сигареты-то закончились; единственная лавка, в которой в это время можно купить «Chiara Valle», там. Казалось бы, всего-то пару десятков шагов — улицу пересечь... Но толпа — на добрую сотню шагов снесла Лаптева вниз по течению. Вынырнул, купил сигареты; опять нырнул...

Лаптев свернул в тихую боковую улочку, что вела к «Авроре», остановился под пинией, закурил; он не спешил. Эта — одиннадцатая, сверхнормативная — сигарета такой сладкой оказалась, какой никогда еще не бывала даже первая, утренняя: после завтрака.

«ОБЩАЯ РЕЧЬ», ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК

Правду не спрячешь, или Удача не ходит в одиночку

Прокомментировать сенсационную находку из котлована Башни Эсперанто мы попросили декана исторического факультета нашего Университета и лидера общественного фонда «Приют патриота» академика Ербола Ерболова.

«Общая речь»: Уважаемый Ербол Ерболович, разрешите еще раз поздравить вас с сенсационной находкой.

Академик Ерболов: Должен сразу поправить вас... Поздравить с этим знаменательным событием нужно не меня, а — всех без исключения жителей нашего великого города. И несомненно, символично, что произошло оно накануне доверенного Глобальной Скупщиной именно нашему городу Всемирного Фестиваля МУЛЬТИ, членом Оргкомитета которого я имею честь состоять. Само Время как бы заявляет нам, что правду невозможно спрятать даже под толщей веков!

ОР: Как же вы правы, уважаемый академик! Мы уверены, что вместе с нами каждый житель нашего города испытывает огромную гордость. Но все же надо признать, что все мы, как говорится, люди, все человеки... И такое обычное человеческое чувство, как любопытство свойственно всем. Нам так хочется поскорее узнать, что же записано в древних табличках?

Е. Е.: И мне тоже очень хотелось бы узнать это! Однако нужно всем нам запастись терпением. Мы впервые столкнулись с совершенно неизвестным науке видом письменности, необычные знаки, которыми испещрены древние таблички, это не рисунки, не иероглифы, не руны и тем более не буквы... Расшифровка неизвестных знаков займет какое-то время. Но я твердо уверен в высочайшей научной квалификации академиков нашей Академии. Уверен в том, что мы обязательно сумеем расшифровать надписи на табличках.

ОР: Но есть ли у вас хотя бы некоторые предположения, догадки...

Е. Е.: Не догадки и предположения! Уверенность есть! На этих табличках в той или иной форме рассказывается о том, как видели наши предки сотворение мира.

ОР: Однако если вы еще не расшифровали древний текст, как же...

Е. Е.: Это — чудо! Однако сразу скажу: чудо случается лишь с теми, кто его заслужил... Есть такая поговорка: пришла беда — отворяй ворота. Мы же можем сказать ровно наоборот: удача не ходит в одиночку! Из трех табличек, что мы обнаружили в древнем контейнере, полностью сохранились лишь две. У третьей отбита значительная часть.

И вот ведь какой парадокс: окажись и третья табличка целой, я бы не смог так уверенно говорить, что же записано на них... Но! Но каково же было наше удивление, наша радость, когда наряду с глиняными табличками мы обнаружили в древнем контейнере хорошо сохранившийся свиток папируса с текстом, написанным нам известным иероглифическим письмом, которым наши предки пользовались в хорошо изученную Эпоху Голубого Императора, вторую эпоху после Великого Потопа.

ОР: Так что... получается, глиняные таблички не такие уж и древние, как это показалось на первый взгляд?

Е. Е.: А разве я что-то уже сказал о табличках? Я еще не закончил говорить о папирусе... Да иероглифы — эпохи Голубого Императора. Но как показывает даже самый поверхностный, первичный лингвистический анализ, текст на папирусе — не оригинальный, а поздняя копия более раннего текста. Опираясь на характерные особенности стиля, словоупотребления и другие факторы, он относится, несомненно, к более древней эпохе; к эпохе Желтого Императора; то есть первой после Потопа. Именно из этого текста мы узнали, что сами таблички относятся к Допотопной эпохе. То есть их можно смело датировать — самое позднее — 8100 годом до Возрождения.

ОР: Невозможно даже представить такую древность! Что же записано на папирусе?

Е. Е.: Я ждал этого вопроса и принес с собой фрагменты перевода. Понимаете, вашей газете выпадает эксклюзивное право, честь: первыми обнародовать не просто фрагмент древнего памятника, но — без преувеличения — всемирную сенсацию. Итак:

Я, безымянный раб имярек — писец господина моего, по воле господина моего имярек, записал слова господина моего имярек, как он сказал мне их, ни единого слова не пропустив и не переиначив смысла речи господина моего имярек. Вот что изволил сказать господин мой имярек:

«Долгом моим почитаю я сохранить для потомков, что завещано предками. Стар я стал, и члены мои одряхлели, и тяжелой теперь оказалась для мышцы моей тяжесть допотопных письмен; не удержал их в руке своей. И покуда разум мой служит еще и память не обветшала моя, что сохранила она, перескажу; попытаюсь то сохранить, что виною моею утеряно стало. Древний слог передать той речи чудесной я не умею, прошли времена сладкозвучных боянов; мы ж, их потомки, языком и скудны, и грубы. Не гордость должны мы испытывать, вспоминая славных предков своих, а стыд перед ними — что пали так низко... Перескажу быль древних времен, как могу: строим нашего времени».

Далее «господин имярек» пересказывает то, что было на разбившейся части третьей таблички, его «раб имярек» дословно записывает... Часть того, что записал раб имярек, я также перескажу «строим» уже нашего времени.

ОР: Но почему так?! Почему фрагмент, почему пересказ?

Е. Е.: Так решили мы с коллегами, и решение наше одобрено академическим советом. Объясняется оно просто. Как бы ни уважали мы вашу газету, все же публикация полного текста в, так сказать, *гражданском*, а не научном издании несколько некорректно. Итак...

На глиняных табличках, несомненно, записан традиционный, обязательный для фольклора почти всех известных народов, так называемый «Миф о сотворении мира». Оригинальной особенностью данного мифа можно назвать тот нетипичный факт, что его протагонист, творец и создатель мира, первосущность его, не имеет определения, например: бог, дух или герой *et cetera, et cetera...* И что совсем необычно для любых мифов, протагонист не имеет собственного имени. Небывалый в науке случай!

Протагонист мифа, записанного на наших табличках, называется просто: «Она». Буду крайне осторожен... постараюсь максимально аккуратно оформить свою мысль: женский род, которым определена первосущность рассказа о сотворении мира, похоже, есть свидетельство невероятно древней эпохи, в которой создан этот миф. На мой взгляд, гораздо древнее мифов о сотворении мира, которыми так кичатся некоторые народы, что задрав носы и снисходительным тоном свысока поучают нас!

Пересказ древнего текста, записанный на нашем папирусе, представляет собой диалог в форме «вопрос — ответ». «Она» задает вопросы одному из тех существ, называемых в тексте «чудищами» или «уродами», которых, как выясняется из диалога,

прежде сама же по какой-то причине обратила в безмолвные камни. Фантастическое создание отвечает на эти вопросы. Из диалога мы узнаем, как создан был мир, как и кем был он заселен и какие события происходили «в начале мира».

Думаю, что я сказал достаточно для того, чтобы читатели нашей уважаемой «Общей газеты» могли составить верное впечатление о том, какого значения события стали они современниками. И хочу их заверить, что Академия в общем и каждый из нас, академиков, в отдельности приложат все свои знания, умения и силы, чтобы как можно скорее каждый житель нашего великого Города смог ознакомиться с полной расшифровкой древнего текста.

Мне поручено донести до горожан торжественное обещание: Академия обязуется расшифровать и перевести тексты со всех найденных табличек к началу Всемирного Фестиваля МУЛЬТИ и в день торжественного открытия форума устроить презентацию древнего документа. Явить, так сказать, миру и граду неоспоримое доказательство права нашего Города претендовать на постоянное место в Совете Избранных Мировой Скупщины.

На ресепшен

...На ресепшен Фабиана — вечерний портье, средних лет итальянка южного типа — сдавала пост ночному портье, двухметровому латышу Имантасу, своему мужу. Счастливая семья! Только позавидовать можно такому браку: когда муж на работе, жена дома, и — наоборот. Нет времени на мелочные склоки, обиды и всю ту бытовую шелуху, в которой так часто и самим супругам даже, чем дольше они вместе, тем все труднее найти зерна любви. Этим двоим не нужно вышелушивать их. Кроме того, хотя и живут они в Италии, общаются между собой на русском языке, которым владеют, мягко говоря, не совсем идеально. А значит, пользуются словами *основными*: простыми и ясными, без смысловых оттенков в которых чаще всего и таятся корни непонимания. Короче говоря, не умничают, потому и счастливы.

Да, на Фабиану и Имантаса даже просто со стороны глянуть — душе приятно. А когда встречаются они на пересменке, кто знает — как Виктор Егорович — так даже и специально ходят посмотреть. Имантас замрет обязательно по стойке смирно, выпрямится во весь свой почти двухметровый рост; правую руку под прямым углом — в сторону. Фабиана подойдет и вытянется на цыпочках ему под мышкой: макушкой как раз до руки достает. Поят мгновение, потом засмеются чудесно так, тепло.

Когда Лаптев вошел в холл, оба они в один голос ему:

— Добрый вечер, — это Имантас. — Вы здесь?

— Сегодня? — закончила Фабиана.

— А мы ей сказали, — продолжила Фабиана.

— Что вас не будет, — Имантас.

Обслуга в «Авроре» не удивлялась образу проживания *странного русского* в отеле. Что был он тут в основном днем, да и то не каждый день, что ночевал еще реже и никогда в уик-энд, выучили давно.

Вот этого Лаптеву совсем не надо было! Кто мог его спрашивать — здесь? Еще и: «она»... Неужели? Так ведь сама после завтрака в «Нептуне» сказала: «Ты, Виктор, иди спокойно на пляж, мне еще номер сдавать. И провожать к автобусу не приходи».

А дуэт за стойкой продолжил:

— Она странная... такая, — это Имантас.

— Нам сразу показалась, такая... — это Фабиана.

Выходило так: минут десять тому вошла женщина («Русская!» — это они хором). Спросила господина Лаптева из *девятнадцатого номера* (многозначительно так — Иман-

тас). Когда сказали ей, что не будет сегодня («Уехал в Венецию на всю ночь» — Фабиана придумала), тогда «эта женщина совсем не ушла». Спросила еще какую-то... Тут они переглянулись, точно каждый ждал, что скажет другой, и стали перебирать.

— Похоже на... как Снегурочка — после паузы Имантас.

— И что-то, как... радоваться, — тут же и Фабиана.

— Снежана Ардугина?

— Да! Так это, — заулыбались оба за стойкой, — вы знаете про такую женщину! То — хорошо! — инициативу перехватила Фабиана. — Я говорила, что такая у нас не... («Не проживает», — помог ей латыш.) Не проживает, я так сказала! Только она не уходила тогда, говорила, что в баре кофе выпить. И там — она.

Лаптев мог подняться в номер, эти двое не выдали бы его, но он смирился: если случается то, что не может случиться просто потому, что не может случиться ни за что и никогда, тогда это — «жизнь». Она неминуема и неизменяема. Сам сказал как-то Борису Вильдавскому: «В искусстве обязаны быть логика и законы, что позволяют или не позволяют *случаться*; в жизни их нет. Ее можно только прожить».

...Ее увидел Лаптев не в баре — там лишь чашечку эспрессо прихватил — на террасе ждала, у окна; смотрела в окно, как в зеркало: темнота за окном. В отражении он вышел на террасу; обернулась к нему только, ни знака ему, ни улыбки какой навстречу. Лаптев пока шел меж столиков, глянул украдкой на свое отражение в окне: хорошо вроде; даже как бы и расслаблен, озабочен больше — кофе не расплескать, в левой руке блюдце, правой чашечку придерживает... Осторожно сначала кофе на столик поставил, потом только:

— Добрый вечер, — как будто и не узнал.

Выдвинул стул, сел под углом к ней, близко: столик с одной стороны вплотную к окну, со второй — пальма в кадке.

Она же молчала все, смотрела прямо в глаза ему своими прежними адриатическими глазами, как будто поверила, что не узнает.

Но когда присел он боком к ней, точно решила — крепко зажмурилась, перевернула плечами; когда открыла глаза, в сторону глядела. Сказала негромко, ровно:

— Я — не она, — голос тоже прежний был.

— Конечно, — сказал Лаптев почему-то ненужное.

Один раз глянул — коротко — в лицо ей; пачку на стол положил, зажигалку вынул, прикурил не спрашивая; затянулся не спеша, дым в сторону окна выпустил. Выхватил в отражении еще раз лицо ее. В отражении не видны гусиные лапки у глаз, складки в уголках рта. Только когда прежде, как бы мельком, глянул: не та девчонка, конечно, но и не шестьдесят, как бы должно было. И — чего никак ожидать не мог — глаза прежние, только иные: взгляд иной; померещилось даже, что как будто и боль в том взгляде. Это все — миг только один...

— Здесь не могу объяснить тебе, — только и сказала она, без предисловия. — Надо только между нами.

Тут бы оказалось к месту его «конечно». Хотел сказать, да осекся — все же не попугай он.

— Поднимемся в номер, — он, как и решил еще на ресепшен, просто «прожить», следовал за ней; без предисловий она, значит — так.

Она кивнула молча.

— Я сначала выпью свой кофе, — все же ему почему-то хотелось чего-то и... от себя.

Лаптев курил медленными затяжками, мелкими глотками смаковал эспрессо, «проживал». Так молчали, пока не докурил.

— Пойдем, — встал Лаптев и пошел, на нее не оглядываясь.

Она молча за ним. На террасу тут, им навстречу, пара вошла; в тесном проходе меж столиков Лаптев остановился, чуть в сторону встал; впереди, как положено, женщина шла — пропустить. Кавалер ее тоже посторонился галантно: так то вынуждена была негаданная спутница Лаптева вперед его пройти; прошли-то так с десяток шагов всего!.. Но и за эти пару минут разглядел зачем-то — вот уж точно знал что: ненужное — ее под тонкой тканью сарафана... или как там это сейчас называется?.. фигуру ее. Упругие ягодицы, волнующие бедра... Если бы жил сейчас Лаптев, а не «проживал»...

Когда вышли с террасы, возле бара, обогнал он ее решительно, повел. На ресепшен Имантас — Фабиана ушла уже — честно постарался их не видеть. Пока поднимались по лестнице — он впереди, она за ним, — мелькнула у Лаптева, как последний всполох обреченного костра, дурацкая мысль: войти самому в номер и дверь перед носом этой женщины захлопнуть. А что дальше будет, то уже не ему отвечать. Вспыхнула на миг и в золу обратилась; угасла навсегда.

Копия архивная (из личного дела пациента Ё.)

Лист 1

Дата: Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое

Место: Наш город, областной ПНД

Сопроводительная записка

Гражданин *безымярек* доставлен в приемный покой областного ПНД нарядом милиции. Со слов командира экипажа № 6 ППС ГОВД старшего лейтенанта Иблетова, в дежурную часть ГОВД поступил звонок от жителей улицы Бетонная о том, что в песчаном карьере завода ЖБК находится обнаженный нарушитель общественного порядка. По словам очевидцев, нарушитель, вероятно в нетрезвом состоянии, упал в карьер и теперь предпринимал попытки выбраться оттуда. На предложение об оказании ему помощи нарушитель отвечал молча агрессивным поведением так, что страшно подойти. Сами очевидцы по причине осторожности и моральной порядочности покинули место происшествия голого мужчины. Но, по их утверждению, испытывают большой гражданский долг о том, что голый нарушитель общественного порядка в карьере своими агрессивными и неадекватными действиями может спровоцировать обвал песчаной массы и совсем погибнуть.

Прибыв на место происшествия, обнаружилось, что упомянутый нарушитель в ночное время порядка сумел самостоятельно выбраться из песчаного карьера и лежал тут же, вероятно, по причине обессилевания. На вопросы милиционеров субъект нарушения общественного порядка не отвечал, хотя видно было, что находится в сознании, так как насвистывал мотив музыки неизвестного происхождения. Также на месте опытным путем было определено, что субъект определенно находится не в состоянии алкогольного опьянения, и по соображениям объективного порядка на предмет воздействия иных средств приказом дежурного по городу препровождается в областной ПНД для обследовательных действий силами специалистов психиатрической области.

Подписи: дежурный врач Е. Е.
Ст. л-т Иблетов

Лист 2

Дата: Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое

Место: Наш город, областной ПНД

Предварительный осмотр

По непредвиденным причинам надлежащим образом предварительный осмотр доставленного в приемный покой гражданина *безмярек* не представляется возможным.

Докладываю:

Одновременно с вышеуказанным гражданином в приемный покой было доставлено в состоянии сильного алкогольного опьянения лицо бомж мужского рода. Указанное лицо, согласно установленному порядку, было раздето и препровождено при содействии медбрата Лаптева-младшего первого для первичной обработки в виде принудительной помывки. В душевом помещении, возможно, под влиянием холодной воды, вышеуказанное лицо бомж проявило неповиновение и, вырвавшись из душевого помещения с нецензурными выражениями, вернулось в приемный покой, где тотчас направилось к своей одежде. Вынув из одежды граненый стакан, оно потребовало сначала вымыть этот стакан. До этого момента доставленный *безмярек* вел себя спокойно и признаков агрессии не проявлял. Увидев же стакан в руке лица бомж, он резко переменил свое поведение. А именно, набросившись на того, вырвал стакан и откусил от него, при этом нанеся себе рану в области рта. После оказания ему первой помощи был препровожден в изолятор на передержку до утра.

Примерные физические характеристики:

Определены по результатам визуального наблюдения. Рост ниже среднего. Телосложения тщедушного. Члены недоразвиты, что, как и вздутие живота, может указывать на врожденный рахит. Или, что более вероятно, на хроническое недоедание. Волос на голове и на теле нет. Глаз один, посреди лба.

Дежурный врач Е. Е.

Лист 3

Дата: *Никоторого числа. День был без числа*

Место: *Наш город, областной ПНД*

Время: *дождливое*

Первый прием у главного врача

(обработка видеозаписи)

Присутствуют:

Главный врач областного ПНД Е. Е. Ерболов

Оператор аппарата электрической коррекции Лаптев (младший третий)

Медбрат Лаптев (младший второй)

Главный врач:

— Имя? Фамилия? Отчество? Дата рождения?

Неимярек:

— Известны.

— Не возражаете, если для протокола мы обозначим вас, как Ё?

— Как скажешь, гражданин начальник.

— Место рождения? Откуда прибыли?

— Местный.

- Есть ли лица, которые могли бы вас опознать, помочь вас идентифицировать?
- Он может, который меня сотворил. Вон там маячит, среди этих...
- (*Ё оборачивается и показывает пальцем на висящую на стене репродукцию известной картины «Султан читает письмо запорожских казаков».*)
- Должен быть; там его видел перед... Прячется, гад!
- (*Пытается встать.*)
- Хорошо, хорошо... Садитесь, у нас еще будет время для опознания.
- Нехорошо так говорить, гражданин начальник...
- Ладно... присаживайтесь тогда... Итак, с ваших слов можно понять, что сейчас здесь находится и ваш родитель? Назовите его имя.
- У него тоже нет имени. Ни у кого нет имени.
- Как же вы зовете друг друга, как обращаетесь при общении?
- Я с этими не общаюсь.
- Закончим с этим, пожалуй. Ваша самоидентификация для нас не играет большой роли. Важно, как мы вас идентифицируем.
- Непонятно излагаешь, начальник.
- (*Видеозапись остановлена. По условленному знаку главного врача оператор АЭК произвел электрическую коррекцию пациенту Ё; после восстановления физических функций организма пациента Ё видеозапись продолжена.*)

Главный врач:

- Добрый день, уважаемый Ё.

Пациент Ё:

- Добрый день, дорогой доктор.
- Итак, вы хотели нам что-то рассказать...
- Спасибо, что согласились меня выслушать. Понимаете, доктор, я должен объяснить... Позвольте...
- Пожалуйста. Мы не спешим.
- Это Она во всем виновата! Вот.
- Она — это кто? Вы ничего прежде ничего не говорили о какой-либо женщине.
- Доктор, я не знаю женщин! Я говорю о Ней, понимаете? (*Заламывает руки, проявляет признаки крайнего волнения.*) Пожалуйста, прошу вас! Прощу, прошу вас, не перебивайте меня, и тогда...
- Хорошо, хорошо... успокойтесь, пожалуйста. Вот, выпейте водички.
- (*Медбрат Лаптев-младший второй подает воду в пластиковом стаканчике; пациент выливает воду, пробует стаканчик на зуб, с разочарованным видом его рассматривает, затем ставит на пол; повторяет свою просьбу спокойно, негромким голосом.*)
- Пожалуйста, не перебивайте меня. Я так долго искал, кому бы рассказать о моей боли... Ну, не этим же (*вновь показывает пальцем на репродукцию*)... Я уже совсем отчаялся, не верил, что найду слушателя, доброжелательного и понятливого, чтобы рассказать... вот.
- Внимательно вас слушаю. Итак?
- Она виновата!
- Да, да... это мы уже слышали. Продолжайте.
- Нет, она, она, конечно, как бы и не виновата. Специальной вины ее нет тут. Но она, если зреть в корень, виновата! Мы все (*вновь показывает пальцем на репродукцию*) хотя напрямую и не ей сотворены, но все же осуществились как сущности именно по ее вине. Именно она ведь сотворила из своей плоти корову, которая, как вам хорошо известно, поддерживает свод небес. И согласитесь, если сотворила, так и ответственность не-

сти должна. Предусмотреть и пресечь на корню, профилактически, так сказать, чтобы творение ее каких безобразий не учинило; научить и предупредить. А она-то пренебрегла: ушла куда-то и — с концами; нет ее. Вот корова и начудила тут же! А что с нее взять? Тупое жвачное животное... Тоже себе возомнила, что, мол, душа у нее. А душа, значит, ну это всем известно из пророчества, понятное дело, творить должна. А что корова-то сотворить может? Как известно, чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй... Таков первый и получился. И тут же тоже «творить» принялся. Вот все мы так и получились: один от другого. Пожалуй, лучше я вам все поподробнее...

— Извините, мне не хотелось бы вас прерывать... Но понимаете, уважаемый Ё, я же все-таки в первую очередь врач. Поэтому как профессионал и давший клятву Гиппократу не могу оставить без внимания ваши слова о боли, которую вы испытываете. Понимаете?

(Молча кивает головой.)

Позвольте, я быстренько задам вам пару вопросов, а потом мы сразу вернемся к вашему весьма интересному рассказу, милейший Ё.

(Молча кивает головой.)

— Вы говорите о невыносимой боли, которую вы испытываете. Верно?

(Молча кивает головой.)

— Как же проявляются она? Это боль внутренних органов или что-то наружное?

— Нет *(раздраженно)*. Это не физическая боль. Это — боль душевная *(ненадолго замолкает; точно раздумывает)*. Не обижайтесь на меня, пожалуйста...

— Ну что вы! Ни в коей мере!

— Значит, вы — просто врач? Как этот... ухо-горло-нос?

— Нет, я, определенно, не ЛОР-врач.

— Однако я ожидал, что в этих стенах, как записано в направлении, мне будет предоставлен психиатр.

— Обязательно! Вот наш уважаемый профессор, заведующий самым главным институтом психиатрии, лауреат *(главный врач указывает на медбрата Лаптева-младшего третьего; тот кивает головой)*. Пожалуйста.

Лаптев-младший третий:

— Здравствуйте. Готов вас слушать.

Ё:

— Ну наконец-то!.. Извините... Не поймите меня неверно: не душевнобольной я *(заметно возбужден теперь)*. О, если бы... Употреблю другое слово — не боль: «мука»; душевные мучения невыносимые испытываю. Эти *(показывает на репродукцию)* якобы тоже мучаются. Я от них сбежал. Но видите, они меня выследили, подслушивают. Чтобы вы им тоже....

Лаптев-младший третий:

— Про них мы поняли все. Не беспокойтесь: они надежно обездвижены и даже слышать нас не могут... Так в чем, говорите, суть ваших душевных мук?

Ё:

— Видите ли, в отличие от этих пустых оболочек, кимвалов бряцающих, именно мне передалась душа... Сейчас объясню... Видите ли... Она же бессмертная...

Лаптев-младший третий:

— Душа, конечно, бессмертная, мы это понимаем...

Ё:

— И душа тоже. Но я имел в виду Ее, которая — создала. И вот поскольку Она — особенная; не просто бессмертная, как я, да вон даже, как эти *(показывает на репродукцию)*,

потому что, как ни крути, а — пусть опосредованно весьма — но из ее плоти сотворены... А у Нее — душа. И каким-то образом мне передалось... Ну вы же знаете, доктор, как гены порой передаются... весьма произвольно и непредсказуемо. Но коли есть душа, то ее несчастному обладателю требуется так называемый смысл жизни. Вот как, скажите на милость, жить вечно, бессмертным, и не знать: зачем? Быть никому не нужным, бесполезным и, значит, бессмысленным... *(Вновь возбуждается, говорит горячо.)* Это мучительно, это больно! А боль-то измучит так, что на все пойдешь, чтобы от нее хоть как-то отвлечься, забыть хоть на миг. Нужно нечто, что боль перекрыть может... А что лучшее для того средство? Ужас и хаос, как известно. Вот тогда-то что угодно наворотишь. Даже и не захочешь, а боль вынудит — наворотишь ведь. И такого, что *(вдруг меняет интонацию, говорит как бы заученный текст, механически)*... пространство схлопнется, соединится вновь в единое небесная твердь и земная; и станет, как прежде, тьма в пустоте.

Главный врач:

— Ничего, ничего... Вот таблеточку примите; полегчает вам.

(Пациент Ё жестом отказывается, не оборачиваясь к главврачу, обращается к Лаптеву-младшему третьему.)

Ё:

И я задумал тогда, как считал, хороший план, дабы избежать хаоса и ужаса. Это же ясно, что если найти Ее, по вине которой я так мучаюсь с этой душой моей, и поставить Ее все исправить... Ей-то это проще простого: просто сказать мне, в чем смысл моего существования, для чего я вообще нужен. И — все! Только и тут допустил я роковую ошибку, засомневался я, что станет Она меня слушать И тогда рассказал все вот — им *(показывает)*. Просто помощи попросил, чтобы вместе... вместе-то, всем миром если, я так думал, Она не откажет. А они тут и завопили: мол, у них тоже — души. Врут, сволочи! Вы на них только гляньте *(показывает пальцем, потом грозит кулаком)*. Испоганили все, испортили... а план хороший был у меня! Стали Ее всем кагалом искать; нашли, конечно. И налетели разом, взбесившаяся сволочь... Орут страшно, бьют друг друга *(плачет, говорит сквозь рыдания)*. Страшно мне стало, убежал я тогда от них сам не зная куда *(вдруг прекращает рыдать, точно понял только что нечто)*. А... вот значит... если выследили они меня, то и Ее, наверное, забили там... Вы точно их надежно обездвжили?

Главврач:

— Надежнее некуда!

(Но пациент Ё немного успокаивается, лишь когда медбрат Лаптев-младший третий подтверждает кивком головы.)

Пациент Ё:

Хорошо, тогда, думаю, вы меня хотите спросить...

Главврач:

— Нет, не спрошу *(подает условный знак; оператор АЭК производит электрическую коррекцию; пациент выключается)*. Ну, так и запишем: клиент наш, оставляем! Лечению не подлежит, работать может. Как очнется, отведите в третье отделение; пусть обучат. Им там рабсила нужна: мохеровые шарфы нынче хорошо продаются.

(Главврач и оператор АЭК покидают кабинет; когда пациент Ё вернулся в сознание, попытался запеть: «Этот турок, турецкий султан, он нахал и невежа; третий день я точу свой кинжал, на четвертый — зарезу!», медбрат Лаптев-младший третий пресекает попытку несанкционированного поведения и препроводил его в третье отделение ПНД.)

Текст полностью соответствует.

Подписи:

Гл. врач

Ерболов Е. Е.

Турецкий султан

Султан Турецкий

ЧАСТЬ IV

Ночью

— И вот тогда я и узнала, поняла, что собой представляет настоящий ужас... Тот ужас, который заставил меня на какое-то время окаменеть, потерять от страха разум — был ужасом извне. Тогда они накиннулись на меня так неожиданно, внезапно. Вопят, бьют друг друга смертны боем; ужасные, ужасные... Но тогда я быстро оправилась. Я могла сопротивляться, противопоставить внешней угрозе волю мою. Но иной ужас объял меня. Он — внутри меня; ему невозможно сопротивляться. Я сидела на холодном песке, смотрела на свое отражение в стене замерзшей воды и — только плакала.

Лаптев точно фильм смотрел: слова ее каким-то невероятным образом трансформировались в живую жизнь. Она сидит — в своем тонком сарафанчике — на черном вулканическом песке, какой видел он в Исландии, одну ногу вытянув перед собой, другую согнув в колене; телом вперед подалась: долго смотрит внимательно на свое отражение в замерзшей воде. Потом набирает горсть песка, лепит из него; от напряжения прикушен кончик языка. Осторожно вылепляет фигурку по своему образу и подобию человечка... Вот — оживает фигурка в ее теплых ладонях; смеется звонко и что-то лепечет, ручонками что-то показывает. Опускает она бережно человечка на землю, выпускает из ладоней своих — тут же рассыпается прахом фигурка; горстка песка на песке только. И так: за разом раз, в сотнях бессильных повторений.

Вот — и горько, и больно ему — искренне — на это смотреть, но... ведь и смотрит он: съехала тонкая ткань сарафана вниз по бедру согнутой в колени ноги, оголила *там*... Он смотрит, но видит лишь: плачет она — там. Здесь видит, что тяжело ей вспоминать; и ему так жалко ее. Но она не прервет свой рассказ, как надеялся он вначале и чего боялся теперь; почувствовал, что и в ней переменялось нечто. И понял еще: проявляется в нем понемногу своя воля в этой истории и право на участие. Потому решил спросить, что давно уже хотел:

— И сейчас ты скажешь, что в самый отчаянный момент вспомнила пророчество, «что знала, но забыла»? — с каким-то удивлением, точно озадачил он ее, посмотрела длинным взглядом, головой покачала только. — А вообще, есть ли на самом деле — пророчество? Все время так получается... ну, это я так вижу, понимаю из твоего рассказа... Каждый раз, когда ты попадаешь в — как бы — безвыходное положение, всегда вот это: пророчество. Мне кажется, что это ты — сама всякий раз каким-то образом находишь выход, без этой всей... мистики.

Она все смотрела на него, точно пыталась понять в словах ее нечто, что ей непонятно совершенно. Лаптев замолчал, она же все сидела в прежней, напряженной и внимательной позе. Длинное мгновение, как будто чашечки аптекарских весов балансируют, прежде чем замереть окончательно. Ответила потом, зябко передернув плечами:

— Знать мне не дано... Лишь могу вспомнить. А вот есть ли Пророчество, как ты говоришь непонятно: «на самом деле», не знаю.

Но Лаптев был в воле своей и в праве своем тверд:

— Объясни... о пророчестве ты не в первый раз говоришь. О чем оно — если оно все же, допустим, существует, мне, наверное, знать и не надо. Опять же допустим, что ты, как утверждаешь, бессмертная... Поэтому все равно рано или поздно доживаешь до того момента, когда пророчество исполнится. Нет, не вот это конкретно Пророчество — вообще любое, — он махнул рукой, словно за глупость извинился. — Любопытно мне: оно, пророчество, вот точно — точно так исполняется, как сказано в нем было?

— Конечно, — она убрала свой взгляд от него, вновь опустила голову. — Можно сравнить, наверное, после того, как пророчество осуществится; проверить на достоверность... А зачем? В этом же нет никакого смысла. *Пророчества ведь для того и существуют, чтобы установить не факты, но смысл грядущих времен*¹. Можно сказать, что ты задал мне глупый вопрос. Но — это был очень нужный вопрос для меня: сейчас и здесь. Я до этого не знала, как объяснить тебе точно: что хочу от тебя, что ожидаю, на что надеюсь. Ты спросил, и ясно мне — в чем зазор между моим и твоим пониманием... всего. Если бы не узнала, могла бы сказать словами, которые пропали бы в том зазоре. Так долго все говорила, говорила — тебе и каждый раз уходила к своему, что тебя не касается; теряла... Теперь буду говорить только для тебя; знаю — как...

Лаптев прервал:

— Тогда я еще спрошу... коротко. А потом, обещаю, только — слушать. Все же объясни мне, как так: пророчество вот, которое знаешь, но не знаешь — откуда или от кого; вообще знаешь ты все время... Черт! Вот понимаю ведь, *что* спросить хочу, *как* — не знаю... Прости...

— Я отвечу: это есть и это не существует.

Лаптев:

— Понял! Оно есть, но оно не существует.

— Не так. Не «оно» — «это». Не «но» — «и».

...Когда они поднялись и вошли в номер, Лаптев зажег в гостиной верхний свет, кивнул головой в сторону стола, сам же — придумал себе на время укрытие — пошел курить на балкон; горькая была сигарета: через пару минут после предыдущей. Она же села за круглый стол посреди гостиной; смотрел на нее из балконной темноты в щелочку меж портьерами. Сначала обвела взглядом комнату, потом поставила локти на стол, опустила голову в ладони. Так он — пальцы на висках — сидел совсем недавно на скамейке под фонарем, там; не знал где и зачем. И она не знает, похоже.

— Не знаю, с чего начать, — произнесла она негромко, не подняв головы, когда вернулся он в номер, — как объяснить, зачем я пришла к тебе.

На что имел Лаптев волю, на что право в этой истории? Может быть, только попытаться дать этой женщине возможность уйти.

— Все еще сомневаешься в том, что правильно поступила? — спросил, не надеясь.

Хотя и затянулась несколько пауза, не надеялся Лаптев. Потом сказала она:

— Сомневаюсь, да. Но — знаю, что выслушаешь ты меня.

Как будто была у него воля в этой истории, как будто право было... Он сел напротив, и она рассказала.

Она рассказала, что нечаянно — «открыла глаза, и вот» — создала новый мир. («Пространство» сказала почему-то скучным словом.) Потом все как положено: свет, твари, гармония из добрых побуждений...

Но так получилось — опять «нечаянно», но на этот раз по ее «вине» — пока она занималась сотворением мира и гармонии в нем, появились в ее мире существа, ко-

¹ Мысль А. Ф. Лосева.

торых в правильном *как должно* не должно было быть. Как она, бессмертные и одушевленные. А в правильном *как должно* для счастья и гармонии бессмертной обладательницей души могла быть только она — создатель и творец. Потому что в ее существовании и осуществлении есть смысл: создать мир и сотворить в нем гармонию. Для того и бессмертие, для того — душа. А что в бессмертных одушевленных креатурах, которые не предусмотрены и не знают потому: для чего они нужны? Лишь — хаос. Который погубит ее мир и ее гармонию.

Она рассказала, как накиннулись эти «исчадия» на нее, как охватил ее ужас и как справилась она с ним: превратила «уродов» в камни и хотела засыпать их песком забвения. Лаптев, который до той поры только слушал, потому что ничего нового, чего бы он не знал из университетского курса или из книг по мифологии, она не рассказывала.

Он, немного отдышавшись в сознании своем, почти уверен был, что это так повлияли на него впечатления необычного дня, что расслабленность *for myself only*, цвет моря, закат... все это довело его до такой вот мистики; и женщина эта теперь и вовсе не похожа на *ту* (ишь, вспомнилось вдруг!), а — начиталась да свихнулась. А что знает она: Виктор Егорович Лаптев и Снежана Ардугина — одно лицо, так это — всякое бывает. Потому Лаптев внимательно слушал ее, кивал и даже спрашивал что-нибудь время от времени, что не напрягало бы — старался. Но в этом месте рассказа он засомневался в своей догадке: миф пошел *неправильно*...

Когда она превратила «исчадий хаоса» в камни и решила засыпать их песком забвения... Вот в этом месте сбился с пути истинного ее рассказ:

— Я прибежала в гневе в сокровенное потаенное место за песком забвения и быстро вернулась обратно. И такой гнев был во мне, такая ярость жгла душу! Я никогда не поверила бы, что можно такую сладкую радость испытать, если бы сама не испытала ее — когда песок из моей ладони так медленно сыпался на них, засыпал... навсегда! А потом очнулась, разжала пальцы, и песок вытек на берег замерзшей воды: я все еще стояла в сокровенном потаенном месте.

Глаза ее — люстра в пять рожков полным светом висела над столом, над ними — светились так ярко, что тень сомнения накрыла все его умное понимание беспросветно. И он снова убежал на балкон:

— В номере нельзя курить. Ты рассказывай, мне отсюда все хорошо слышно.

— Можно я с тобой выйду? — попросила она; и он понял, что тоже: как он сейчас — она.

Может быть, давно ставший привычным вид с балкона: яркая луна и большие мохнатые звезды над головой, пятна света в черной хвое пиний под балконом, ставший громче после полуночи шум волн издалека ... И глаза ее не светились тут тем светом; смотрела, куда и он: в эту невероятную красоту итальянской летней ночи... все это снова всколыхнуло сомнения. А возможно, и по какой-то иной причине, только теперь так не хотел он, чтобы здесь, на балконе, продолжила она свой рассказ. *Тут много русских, вдруг кто-нибудь услышит это все...*

И она не продолжила, попросила неожиданно:

— Можно мне тоже?

Лаптев вытащил из пачки две сигареты; она прикурила умело из его сложенных ладоней, не закашлялась, затягивалась привычно; курила, как он сам: часто и глубоко. И сразу, как он вытянул из пачки новую сигарету, она протянула руку, прикурила от предыдущей...

Сердце у Лаптева колотилось мимо всяких ритмов, сильно — до задохов, а то бы он и третью сигарету подряд закурил. Но... вернулись за стол. Она смотрела на него, и понял он, что ждет позволения продолжить. Кивнул, и продолжила она:

— Очнулась и — так чувствую облегченно: не было этого! Хаоса, уродов, страха моего, а — пойду сейчас на самую высокую гору и увижу: рай, который создала; льва и агнца, что лежат вместе под солнцем... И сразу, как представила ягненка рядом со львом вместе-то, тут и обрушилось холодом сразу — есть это все *там*.

— Так почему ты не пошла туда и не засыпала их песком, как решила? — взволнованно, как будто он уже в этой истории сам, спросил Лаптев.

— Пророчество вспомнила, что забыла: «Если посеешь в землю семя на смерть его, и если умрет то семя во тьме, тогда даст оно всходы, что принесут плоды». Похороню исчадий хаоса, чтобы умерли они во тьме, какие всходы прорастут? Или отказать мне гневу моему и ярости моей и поступить иначе; не посылать их во тьму на смерть? И что тогда будет? И что-то ведь будет! А за то, что будет, я в ответе! Мне за будущее отвечать. Мне или спасти, что создала, или погубить, мне, если не смогу. Но тогда я не думала, смогу сделать или не смогу сделать... Помню, одно только и мучило: *что* сделать?

— Тогда снова — пророчество? — Лаптев от всей души не желал, чтобы она ответила теперь утвердительно.

И она — отрицая — покачала головой:

— Нет. Нет, я знала, что сама должна найти ответ на этот вопрос. Но... я искала изо всех сил, честно поначалу; потом уже и нечестно... придумывала всякие уловки, чтобы обмануть себя... выпытать любой ценой ответ; если не ответить, то хотя бы угадать. Но в конце концов сдалась. Какое это отчаяние — сдаться самой себе! Не потому что — поняла, что не смогу. Потому — что узнала: нет ответа во мне.

Тут вдруг Лаптев вскочил в крайнем возбуждении, кулаки сжал до белых костяшек, точно голос потерял, прохрипел:

— Ну, понятно же!.. Если нет в тебе самой ответа, нужно его искать — вне себя.

Тут он смутился и даже покраснел от смущения, опустился на стул как-то боком, голову в плечи вжал. А если бы посмотрел на нежданную женщину эту... Но не увидел он того взгляда. Она же, видимо, тоже смутилась и взгляд тот смигнула быстро и продолжила спокойно:

— Вернулась я *туда*, чтобы у них самих узнать: кто они и что им от меня нужно? — пусть и не увидел Лаптев взгляда ее — того, но доверие понял. — Вернулась, там они все; хоть рассмотреть смогла... не передать! Но не страшные уже, жалкие, противные, смешные. Долго перебирала, пока не выбрала одного — по крайней мере, не столь уродливого среди уродов.

Потерла о живот свой, ожил, от страха дрожит весь... Когда спросила, долго слова вытолкнуть наружу не мог, пока не ударила. Он и рассказал все. И — так все толково вдруг рассказал: и откуда они все, и что им от меня надо. Я поняла тогда: появилась потребность в нем, стал он нужен — пусть ненадолго, просто на мои вопросы ответить — и он преобразился. Слушала его ответы и стала понимать: имеют они право на свой смысл. Обрадовалась так... Думала: придумаю и расскажу каждому, для чего нужен он, и будет, как хотела — согласие... Тут же объявила первому: так и так — будет он отныне богом; имя тут же нарекла: Техути. Дело его определила: быть тому Техути богом знаний и букв, чтобы увековечивать мудрость. Он возопил от радости, какую-то хвалебную песнь в мою честь затянул...

А меня тут точно чем-то тяжелым по голове ударил кто; сама словно окаменела; чувства и разум меня разом покинули...

Как будто глянуть на нее побоялся Лаптев, не спросил, но она поняла:

— Да... дошло до меня: даже и один он, этот новоявленный бог Техути, кому нужен он теперь? Был нужен мне, когда узнать хотела от него; и — уже не нужен, если чест-

но. Могу и нечестно я, чтобы был он как бы нужен: за мной записывать или для меня... А вот всем им, что стоят окаменевшие тут, имя им легион! Имена я придумую им... А вот зачем они станут нужны, когда оживут? Так вот...

— То есть так ты попала: если смерть им, то вырастет хаос и мир погибнет твой, если жить им... то же самое, по большому счету, — Лаптев пробормотал себе самому. — Бес- смертной тебе для чего боги, демоны, духи... все это? Даже если б и придумала каждо- му... в принципе, бессмыслица; хаос тот же...

Она продолжила оттуда, где осекся он:

— Мне они все — не нужны. Тварям живым, что я создала, не нужны еще больше: они счастливы, потому что нет у них души, из которой вырастает сознание. Где созна- ние, там горе, страх, страдания... Как боги, демоны, духи, все мои окаменевшие урод- цы могли бы быть необходимы сознательным тварям...

— Да, конечно! — оживился тут Лаптев. — Сознание и придумывает разные сверхъ- естественные существа, чтобы... Ну, они этим всем... заведовали, что ли? — тут он смутился.

— Да вот только эти, иные, сущности, они ведь должны быть — смертными. Сам сказал, что для бессмертных «сверхъестественные» существа не нужны. Только для смертных может быть смысл в их существовании. Если бы могли быть такие... кото- рые смертны и... чтобы у них — душа.

— Так вот же!.. — вскинулся Лаптев.

Но остановила она его порыв резким жестом:

— Не знаю, что в Пророчестве, по которому: здесь жизнь. В том Пророчестве, кото- рое — я, сказано навсегда: есть бессмертные, наделенные душой, и есть смертные, у ко- торых нет души. И не может быть третьего! И нет у меня выхода... Потому я решилась!

...Она рассказывала, а Лаптев наяву видит: вот берет она бога Техути за руку и спешит обратно, в место сокровенное, тайное; не поспекает за ней Техути, волочит- ся волоком, хрипит. Садится она на песок берега холодной воды в месте том, где вста- ла, как стена, замерзшая вода: одну ногу в колене согнула, другую вытянула по песку, чуть наискось, пристально смотрит в замерзшую воду, как в зеркало, долго.

Техути долго рядом на песке валялся, отдышался когда, сел — смотрит молча.

Она, не оборачиваясь, ему:

— Записывай, — он записывает на песке за ней. — Возможно, не станет меня и не бу- ду я больше. Будут, как прежде, тьма и пустота во тьме. Но пусть останется эта запись решения моей воли по желанию души моей. Нужны мне здесь смертные твари, и их со- творю я сейчас из песка берега замерзшей воды. Не из фантазии моей сотворю я смерт- ную тварь, сотворю я ее для себя по образу и подобию моему, чтобы стала душа в ней, как живет душа и во мне...

И смертные, у которых — душа, они по нужде горя своего, и боли своей, и страда- ния своего придумают для себя бессмертных, что станут богами, и демонами, и духа- ми для них. Каждому по силе его определяют смертные бессмертным дело его. Станут боги, и демоны, и духи, чтоб обмануть: как устроена жизнь и как жить. Получат ответы от них на свои «почему?». И так будет, пока есть в них нужда, вечно.

И глядя на свое отражение, творит осторожно она из песка человечка, согревает фигурку в теплых своих ладонях — ожила: верещит, смеется... Опускает она человечка осторожно на землю... рассыпался прахом.

— Не так. Не «оно» — «это». Не «но» — «и», — она засмеялась; впервые за все вре- мя. Это было так неожиданно. Лаптев уставился на нее в такой растерянности, кото- рую можно было принять и за испуг. И мурашки по коже побежали, холодные, хотя

в жар его бросило... А она все смеялась, и если бы он мог посмотреть на нее, увидел бы, что изо всех сил старается она, но не может перестать смеяться.

Задыхаясь судорожным смехом, встала она и жестом попросила у него сигарету, он протянул ей всю пачку и дал зажигалку, но сам остался. У балконной двери обернулась она к нему и сквозь смех протолкнула:

— В комнате курить нельзя.

И как будто эти слова подействовали, перестала смеяться, вышла.

Когда вернулась, сказала:

— Извини. Но ты не представляешь... Так легко на душе!

Она не вернулась к нему, за стол. Прислонилась к косяку балконной двери. Смотрела оттуда — чуть сверху — прямо в глаза Лаптеву своим адриатическим взглядом. И он понял, что теперь она позволит ему, и спросил:

— И теперь ты можешь открыть, зачем ты пришла ко мне?

— И теперь я могу рассказать: почему я искала, как нашла и что хочу от тебя.

Лаптев удерживал ее взгляд в своих глазах, не мигнул, когда сказала ему:

— Мне нужна твоя помощь. За помощью пришла к тебе я. Ты поможешь мне?

— Помогу, — твердо ответил Лаптев.

И не было в нем вопроса: что за помощь нужна ее от него? Не было мысли: может ли он помочь ей?

— Помогу, — ответил он; и теперь больше не нужно было ему удерживать ее взгляд; просто слушал...

— Снова было отчаяние, и снова не было ничего о том в Пророчестве, которое — я. Но — знала уже — если нет во мне, есть вне меня. И стала искать. И нашла — где живут существа, что невозможны для меня: смертные, наделенные душой. Я глядела, видела — пока не поняла, что ты научишь меня, как сотворить тварей таких: смертных с душой. И пришла к тебе. И не могла заставить себя поверить, что верно поступаю. Только знала, что иначе нет мне выхода; и если не будет его и у тебя, то все равно уже. Просто рассказывала тебе, как есть. Ты по-разному... это, — она сглотнула, прикусила на мгновение нижнюю губу, потом улыбнулась, — когда слушал меня. А потом задал такой глупый вопрос, что я сразу поверила, что поступаю верно; ты мне поможешь. В этом.

И Лаптев тогда улыбнулся:

— В этом... это — в чем?

— Я смотрела... тут и поняла, что для того, чтобы были вы, смертные с душой и сознанием, нужно чтобы это... ну, двое были: мужчина и женщина. А у меня нет этого, ничего в Пророчестве про одновременно одинаковых и разных: мужчину и женщину...

— Так у тебя ж там эти... твари твои. Они же — тоже!

— Они не по образу моему и подобию, как есть я, а только из фантазии моей.

«А ведь она даже не знает, что — женщина», — вдруг понял Лаптев. Но не обратил внимания на это, слушал только. И услышал наконец, что так заинтересовало больше всего, жгуче.

— Ты... один. А сущности две! Ты и мужчина, и женщина; и имя у тебя есть мужское и женское. И вы — ты мужчина и ты женщина — столько сущностей осуществили. И осуществил эти сущности ты один. Научи же меня — как.

И то было тоже невозможно, не могло быть, потому что просто не могло быть; Лаптев согласился. Она права: Виктор Егорович Лаптев и Снежана Ардугина — это два разных пространства, но один мир. Это только в искусственной жизни существуют законы, которые позволяют быть или не быть, случаться или не случаться. В живой жизни может быть все.

— Ты научишь меня? — спросила она со страхом в голосе и — с такой надеждой, что вновь комок подступил ему к горлу.

— Да, — просто сказал он.

Подошел к ней... обнял, притянул к себе, поцеловал. Ни с одной женщиной в прежней своей жизни он такого не испытал: словно горячая ртуть — трепет в руках обнимающих; упругая, как электричество, нежная бесконечно. Кроме — нет ничего! Только счастье, точно эхо для *потом*: «и — без меня невозможно»!

ЭПИЛОГ

...Конечно, ресепшен не проскочить незаметно: на посту — Имантас. Лаптев поздоровался бодро: в зеркале увидел с облегчением, что не покраснел. А латыш, да — заулыбался. Однако как-то по-обычному, без особого *смысла*. Лаптев все же поторопился проспешить мимо. Но остановил его тот:

— Вам пакет.

— Мне?.. — глупо так удивился Лаптев.

Пакет совсем тонкий, плотной желтой бумаги; в точно таких, когда еще он мильницей фотографировал и пленку в фотостудию отдавал для печати, выдавали готовые фотографии.. Точно — на конверте фирменный гриф: «FOTO — Morgana. Augsburg».

В конверте:

— неуволимо знакомая женщина на исходе беременности — большой живот, точно из завтра волшебное обещание: прекрасная;

— эта же женщина с мальчиком и с девочкой на руках, улыбаются трое, счастливые;

— нет ни женщины, ни детей ее; да и не фотография это, открытка, какие для туристов печатают: разноцветная толпа возле какого-то храма.